

В.Д.Сарабьянов  
(Москва)

ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ  
ПАМЯТНИКОВ ФЕРАПОНТОВА МОНАСТЫРЯ  
(продолжение)

Глава У

Благовещенская церковь и трапезная палата

Благовещенская церковь с примыкающей к ней трапезной палатой является второй по времени, после собора Рождества Богородицы, каменной постройкой Ферапонтова монастыря, строительство которой связывается исследователями с великооктябрьскими пожертвованиями, последовавшими после посещения Белозерья в 1528 г. Василием Ш, приезжавшим сюда на моление о даровании наследника<sup>1</sup>. Летопись, вырезанная на вмонтированной у входа в трапезную палату плите, гласит: "Ле(та) ЗЛИ [7038 = 1530] го(да) почата бы(сты) сия ц(е)рк(о)вь делати в имя пр(есвя)тыя б(огороди)ци ч(ес)тн(а)го еа бл(а)говещениа с трапези при бл(а)говерн(о)м великому кн(я)з(е) Василе Ивановиче всея Руси при архиеп(и)с(ко)пе р(о)стовск(о)м Кириле при игумене ферапо(н)товскомъ Ферапонте + А съвершена быс(ть) при с(ы)не его при великомъ кн(я)зе Иване Василевиче всея Рус(и). А (о)с(вя)щenna быс(ть) при архиеп(иско)пе Кириле при том же игумене Ферапо(н)те лета ЗМ [7040 = 1531] го(да) ноября КА [21] на празн(и)к пр(е)ч(и)стые б(огороди)ци ч(е)стнаго ея введения"<sup>2</sup>.

Данная летопись, опубликованная у И.И.Бриллиантова<sup>3</sup> и, в более точном воспроизведении, у П.П.Покрышкина и К.К.Романова<sup>4</sup>, отличается от предложенного выше текста незначительными второстепенными деталями; существенное разночтение касается лишь даты завершения строительства

церкви. Завершающая часть текста летописи в настоящее время довольно сильно утрачена и искажена толстым слоем побелок, однако большинство исследователей сходятся во мнении, что дата имеет следующее написание: *З. Мб.* Вопрос заключается в том, что обозначает буква Г — цифру "3" или, так же как в дате начала строительства, первую букву слова "года"? И хотя более логичен второй вариант — в противном случае буква Г должна быть повторена дважды, — все исследователи переводили дату как 7043 (1534) г., сообразуясь с упоминанием в летописи великого князя Ивана Васильевича, восшедшего на престол после смерти своего отца Василия Ш., скончавшегося 3 декабря 1533 г., а также с данными одной из рукописей Погодинского собрания, к содержанию которой мы обратимся чуть позже.

Однако в контексте конкретной исторической ситуации, сложившейся в тот момент, может быть предложен другой вариант прочтения этой даты<sup>5</sup>. Как уже говорилось, строительство Благовещенской церкви и целого ряда других храмов Белоозерья связано с вкладами Василия Ш., "вымолившего" здесь долгожданного наследника. Совершенно очевидно, что денежные пожертвования на строительство ферапонтовского храма последовали еще до рождения Ивана IV, появившегося на свет 25 августа 1530 г., т.е. в самом конце "сентябрьского" 7038 года по летосчислению "от сотворения мира". Церковь в этот момент уже строилась, и упоминание в тексте летописи имени Ивана Васильевича может объясняться желанием подчеркнуть факт рождения наследника престола во время строительства церкви ("а съвершена бысть при сыне его при великом князе Иване Василевиче"), тем более что ферапонтовские старцы, несомненно, ощущали особую сопричастность к этим событиям, ибо именно их молебен "бы услышан". В таком случае более правильным представляется вариант перевода летописной даты как 7040 года, и, следовательно, завершение строительства Благовещенской церкви и ее освящение произошли 21 ноября 1531 г.

Предложенная датировка представляется весьма убедительной, хотя она и расходится с данными Погодинского сборника, опубликованного еще И.И.Бриллиантовым, согласно кото-

рому церковь была построена в 1534/35 гг., а освящена лишь 3 декабря 1536 г.<sup>6</sup>. Данные этого документа вообще не вызывают доверия, т.к. они не соответствуют ни старому, ни новому варианту прочтения резной летописи, и совершенно правы были П.П.Покрышкин и К.К.Романов считая, что даты Погодинского сборника не могут являться основанием для убедительных выводов<sup>7</sup>. Тем не менее вопрос о дате завершения строительства Благовещенской церкви нельзя считать окончательно решенным; возможно, ответить на него поможет точное изучение хронологии строительства в этот период в других монастырях Белозерья.

Благовещенская церковь с трапезной палатой является довольно сложным в архитектурном и функциональном отношении комплексом построек, первоначальный облик которых, несмотря на утрату целого ряда существенных деталей, в целом поддается реконструкции. Сама церковь представляет собой небольшое (примерно 7 x 5 м) прямоугольное в плане здание, у которого отсутствует алтарная апсида. Ее внутреннее помещение поделено на три этажа. Первый этаж, перекрытый низким сомкнутым сводом, видимо, уже с древности использовался для хозяйственных нужд. Второй этаж является собственно церковным помещением, в котором совершалось богослужение, причем в качестве алтаря использовалась его восточная часть, отгороженная высоким иконостасом. Как и нижний этаж, маленькое помещение церкви не имеет никаких опор и на уровне основания барабана перекрыто купольным сводом. В толще северной стены прорезана узкая лестница, ведущая в барабан; разветвляясь, она образует целый лабиринт из небольших помещений и ниш, соединенных чрезвычайно узкими проходами. Расположенные в северной части верхней зоны здания, они соединяются с барабаном, через который можно проникнуть в юго-восточную часть верхнего этажа. Исследования П.П.Покрышкина и К.К.Романова показали, что первоначально помещение барабана открывалось в закомарах южного и восточного фасадов нишами, где на вмонтированных в кладку брусьях крепились колокола<sup>8</sup>. Таким образом, Благовещенская церковь с самого начала была задумана как звонница и выполняла эту функцию вплоть до возведения в конце

ХУП в. существующей ныне колокольни. Кроме того, внутренние помещения верхнего этажа использовались для хранения различных монастырских ценностей и в первую очередь библиотеки — уже опустевшие книжные полки видел здесь И.И.Бриллиантов<sup>9</sup>. Снаружи храм венчали три ряда закомар, окружавшие высокий барабан.

Если здание церкви дошло до нас почти без утрат, то трапезная палата претерпела множество перестроек, в результате чего некоторые ее части были уничтожены. Построенная одновременно с церковью, трапезная соединялась с последней во втором этаже узким дверным проемом (два боковых растесаны позже). Оба этажа перекрыты системой сводов, опирающихся на мощный столб в центре здания. С юга к трапезной примыкает сильно перестроенная двухэтажная паперть, первоначально открывавшаяся в верхнем этаже аркадой (фрагмент заложенной арки хорошо читается на ее восточной стене) и имевшая открытые сходы, впоследствии замененные крытым кирпичным крыльцом с рундуком, которое также не сохранилось. С севера к палате примыкало двухэтажное помещение, в описях именуемое "келарской кельей"; оно также полностью уничтожено, но на северном фасаде трапезной хорошо читаются контуры его стен и сводов.

Взятая отдельно от примыкающих к ней пристроек, Благовещенская церковь обладает художественными и конструктивными особенностями, которые свидетельствуют об ориентации этого памятника на новый тип столпообразного храма-звонницы, зародившегося в русском зодчестве в первой трети XVI в. Однако, несмотря на исчерпывающее описание, данное церкви П.П.Покрышкиным<sup>10</sup>, она до сих пор не получила должной оценки у исследователей древнерусской архитектуры. Один из ведущих знатоков русского зодчества этого периода С.С.Подъяпольский совершенно справедливо связывает закладку трапезной церкви Ферапонтова монастыря с активизацией каменного строительства в монастырях Белозерья и Вологды, явившегося результатом уже упоминавшихся денежных пожертвований Василия III. Примечательно, что Благовещенская церковь оказывается хронологически первой в ряду памятников, связанных с названными событиями. Годом позже, в 1531 г., закладываются церкви архангела Гавриила и Иоанна Предтечи в

Кирилло-Белозерском монастыре (завершены в 1534 г.), а в 1537—1542 гг. строятся собор и трапезная церковь Спасо-Прилуцкого монастыря. К этому же времени С.С.Подъяпольский относит трапезную Корнилиево-Комельского монастыря и казенную палату Ферапонтова. Наконец в 1543—1548 гг. возводится Успенская церковь Спасо-Каменного, а в 1546 г. — церковь Павло-Обнорского монастыря<sup>11</sup>.

Ряд существенных художественных и типологических особенностей указанных построек позволяет С.С.Подъяпольскому сделать весьма вероятное предположение о принадлежности некоторых из них ростовскому зодчему Григорию Борисову, который, согласно документам, ранее возвел трапезную Благовещенскую церковь ростовского Борисоглебского монастыря (1524—1526)<sup>12</sup>, а позже руководил указанным строительством в Спасо-Каменном и, с большой долей вероятности, в Павло-Обнорском монастырях<sup>13</sup>. Анализ перечисленных памятников позволяет объединить некоторые из них в группу, где последовательно воплощается идея создания церкви-звонницы, постепенно приобретающей столпообразную форму. В начальном виде эта идея присутствует в церкви архангела Гавриила Кирилло-Белозерского монастыря (1531—1534), которая, еще находясь в русле традиции четырехстолпного трехапсидного храма, имела в закомарах ниши со звонами<sup>14</sup>. Такие же конструкции, судя по сохранившейся на южном фасаде нише, имела и наиболее ранняя из документированных построек Григория Борисова — трапезная церковь Борисоглебского монастыря<sup>15</sup>. Следующий шаг был сделан в трапезной церкви Ферапонтова монастыря, хотя ее столпообразная конструкция, подчеркнутая отсутствием апсиды, выражена еще не совсем отчетливо — ниши под звоны имеются лишь на южном и восточном фасадах, тогда как с севера церковь имеет традиционные формы. Наиболее последовательное, воплощение эта концепция получает в Успенской церкви Спасо-Каменного монастыря (1543—1548) — храм приобретает законченную столпообразную форму, восьмигранную в плане, а колокола располагаются не в нишах, а внутри открытого помещения верхнего этажа<sup>16</sup>. К этой же группе относится несохранившаяся Павловская церковь Павло-Обнорского монастыря (1546), которая также была церковью "под колоколы".

Творчество зодчего Григория Борисова -- а некоторые исследователи считают его автором и других построек<sup>17</sup> -- оказывается на передовой линии архитектурной мысли своего времени. Именно этим периодом датируются известные столпообразные постройки (Георгиевская церковь в Коломенском 1534г., церковь Григория Хутынского монастыря 1535 г.<sup>18</sup>, храм-колокольня Болдина монастыря), которые, наряду с рассмотренными памятниками Белозерья, в известном смысле предшествовали русскому шатровому строительству. М.А.Ильин справедливо отмечает, что возникновение в древнерусском зодчестве столпообразных храмов, их "идейная основа, смысл и пути развития требуют специального исследования"<sup>19</sup>, и хочется думать, что Благовещенская церковь Ферапонтова монастыря не окажется обойденной вниманием будущих исследователей этого интереснейшего периода древнерусской архитектуры.

Обращаясь к строительной истории памятника, сразу следует отметить, что ни одно из зданий монастыря не претерпело такого количества ремонтов и перестроек, какое испытала Благовещенская церковь и особенно трапезная палата с окружающими ее пристройками. Объясняется это прежде всего разнообразием функциональных нагрузок и активнейшей эксплуатацией всех зданий комплекса. Сама церковь, сразу предназначенная для зимнего использования, на протяжении почти трех столетий 6--7 месяцев в году являлась местом ежедневных богослужений; напомним, что в соборе службы совершались только летом, а церковь преподобного Мартиниана была приспособлена к зимнему богослужению лишь в первой четверти XIX в. Кроме того, с самого начала Благовещенская церковь была задумана как основная монастырская звонница, о чем, в частности, свидетельствуют вклады в Ферапонтово двух колоколов, приуроченные к завершению ее строительства<sup>20</sup>, и она выполняла эту функцию до конца XVII в. Церковь имела очапную конструкцию звона, на что указывают описи монастыря<sup>21</sup>. В барабане до середины XVIII в. находилось монастырское книгохранилище, которое позже было перенесено в ризничную палатку<sup>22</sup>, расположенную в западной части палерти Благовещенской церкви. Нижний этаж под церковью, вероятно, с самого начала использовался как теплый погреб. Трапезная и примыкавшая к ней келарня в верхнем этаже служили столовой палатой; в нижнем этаже

под трапезной находилась хлебопекарня, а под келарней — конюшенная кладовая и еще один теплый погреб<sup>23</sup>. Кроме того, в конце XVI в. нижний этаж был частично перепланирован и здесь вдобавок к перечисленным службам появилась баня<sup>24</sup>. Таким образом, и сама церковь и окружавшие ее постройки выполняли различные функции и активно использовались, что естественным образом сказывалось на их сохранности.

Первая заметная перестройка, коснувшаяся в основном паперти, относится к середине XVII в. и связана со строительством переходов между собором и трапезной церковью. К сожалению, оно не зафиксировано документально, поэтому наши выводы оказываются в известной мере гипотетическими. Однако, не делая безоговорочных утверждений, попытаемся все же восстановить в общих чертах ход этого строительства. Наиболее вероятным временем создания переходов следует считать конец 40—начало 50-х гг. XVII в., когда, после возведения церкви преп. Мартиниана и надвратных церквей, завершается процесс формирования монастырского комплекса. В наиболее ранней монастырской описи 1665 г. эти переходы уже зафиксированы<sup>25</sup>. Очевидно, строительство переходов повлекло за собой закладку аркад галереи собора и паперти Благовещенской церкви; форма сделанных в заложенных арках небольших окон и их декор чрезвычайно похожи на аналогичные детали надвратных церквей, на что обратил внимание еще П.П.Покрышкин<sup>26</sup>, и вообще соответствует принятым в середине XVII в. декоративным мотивам. Тогда же западная треть паперти была отгорожена стенкой и превращена в небольшую ризницу, которая также фигурирует во всех ранних монастырских описях.

Наиболее запутанной оказывается ситуация с крыльцом паперти, которое полностью утрачено. П.П.Покрышкин, реконструируя его первоначальные формы, исходил из правильной предпосылки, что лестница, подходящая к аркаде паперти, должна быть открытой<sup>27</sup>. Однако наиболее ранние описания крыльца, относящиеся к началу XVII в., рисуют нам иную картину. Крыльце в это время имело крытый рундук, соединенный с папертью кирпичной лестницей, перекрытой сводами; на три стороны от рундука спускались кирпичные же сходы. Характерно, что во всех описях отмечается чрезвычайная ветхость крыльца<sup>28</sup>.

Совершенно очевидно, что первоначальное крыльцо, располагавшееся, согласно исследованиям П.П.Покрышкина, по центру южного фасада паперти и соединявшееся с центральным проемом аркады, не могло иметь сводчатых перекрытий -- это противоречит не только художественному смыслу, но и конструктивной логике сооружения. Перекрытия лестницы появились позже, и если учитывать, что в описи 1715 г. уже отмечена их ветхость, то их возникновение можно смело связывать с указанным строительством середины XVIII в. Таким образом, уже первое крупное строительство, коснувшееся комплекса Благовещенской церкви, нанесло ему весьма ощутимый урон. Пристройка переходов повлекла за собой закладку аркад паперти, что заметно исказило облик памятника, а также перестройку крыльца и создание ризницы. Более того, в месте примыкания переходов неизбежно была уничтожена часть южной и восточной стен паперти.

Вероятно, в ходе указанного строительства по Благовещенской церкви был проведен ремонт, коснувшийся кровель и мелких чинок. В таком виде храм простоял вплоть до 20-х гг. XVIII столетия, и монастырские описи этого периода не фиксируют никаких изменений в его наружном облике -- купол и крест церкви были обиты белым железом, остальные кровли имели деревянное покрытие<sup>29</sup>. Ранняя опись XVIII в. дает более подробное описание покрытий: "На церкви глава и крест опаяны белым железом, кровля делана каморами, крыта тесом. На паперти и на трапезе и над крыльцом кровля крыта тесом просто"<sup>30</sup>. Из этого описания становится очевидным, что храм сохранял свое позакомарное покрытие, а кровля остальных пристроек была поскатной.

Незначительные перестройки могли происходить во второй половине XVIII столетия лишь в звоннице церкви, где в середине 70-х гг. описи фиксируют увеличение количества колоколов, видимо, связанное с пребыванием в это время в монастыре ссылочного патриарха Никона<sup>31</sup>. Вполне вероятно, что закладка ниш звонницы, располагавшихся в пяти закомарах южного и восточного фасадов, произошла в последние годы XVIII в., т.е. сразу после возведения колокольни. П.П.Покрышкин в описании Благовещенской церкви указывает на относительную древность этих закладок, их явное отличие от чинок XVIII в.<sup>32</sup>.

С начала XVIII в. Благовещенская церковь, как и остальные здания монастыря, постепенно стала приходить в запустение. Опись 1715 г. отмечает чрезвычайную ветхость сводов паперти и крыльца, верхний марш которого обрушился и был заменен деревянным<sup>33</sup>. К середине столетия разрушения стали распространяться и на основную часть здания, так как описи этого времени говорят о ветхости всей церкви<sup>34</sup>. Однако за неимением средств монастырское начальство ограничивалось мелкими чинками, которые вряд ли шли дальше замены кровель и незначительных поправок. Наиболее ранний из таких ремонтов, зафиксированный описью 1747 г., видимо, имел место в первой трети столетия. Тогда железная обшивка главы была заменена на лемех, а церковь и трапеза получили новое тесовое покрытие, возможно, щипцовой формы<sup>35</sup>. Полная замена кровель имела место также в 1768 г.<sup>36</sup>. Новый ремонт покрытий происходит уже в 1771 г.<sup>37</sup>, а на будущий год на Благовещенской церкви замазываются трещины и белятся стены<sup>38</sup>. В 1775 г. вновь проводится незначительный ремонт, уже внутри церкви, связанный с установкой нового иконостаса (заделка трещин, побелка стен, закладка прохода в верхний этаж, перестилка пола в трапезной)<sup>39</sup>. Но опись этого же года свидетельствует о почти аварийном состоянии памятника: "Показанное каменное строение в церкви, в трапезе, в ризничной палате и келарской келье отнизу и доверху имеются разселины. Паперть и крыльца весьма обветшали и требуют скрепления железными связями"<sup>40</sup>.

Ремонт 1794–1798 гг. оказался весьма своеевременным, так как к концу столетия Благовещенская церковь и окружающие ее постройки находились на грани разрушения. Результаты исследований П.П.Покрышкина и К.К.Романова<sup>41</sup>, а также сообщения ведомости 1798 г.<sup>42</sup> дают полное представление об изменениях во всех постройках комплекса Благовещенской церкви. В нижнем этаже все помещения были отремонтированы или перестроены, причем некоторые изменили свое назначение. Так, остались два теплых погреба и конюшенный чулан, но из помещения под келарней и хлебопекарни были сделаны келья и баня с предбанником. Обе двери и окна нижнего этажа оказались растесанными; растесаны были также окна трапезной палаты и церкви. Келарня была переоборудована под братское сушило, и теперь

она соединялась с помещением трапезной двумя вновь пробитыми дверями в дополнение к одной старой; ее окна также растесаны. Практически вся восточная половина паперти и ее своды были уничтожены вследствие того, что полностью перестроенные переходы к собору стали значительно шире и выше старых; по этой же причине было разобрано крыльцо. Снаружи церковь получила новую четырехскатную крышу (которая уничтожила три ряда кокошников) и новый двухъярусный купол с новым же отзолоченным крестом. Покрытие кровель и главы осталось тесовым. Тогда же, очевидно, были заложены окна барабана. Наконец, все здания были скреплены железными связями, а трапезная усиlena в северо-западном углу контрфорсом.

Первую половину XIX столетия все работы по Благовещенской церкви касались замены ее покрытий и мелких чинок. Так, уже в 1807 г. проводится ремонт в интерьере трапезной палаты, где были выбелены стены и замазаны трещины в сводах<sup>43</sup>; последнее свидетельствует о недостаточности ремонта 1794—1798 гг. и продолжающихся разрушениях в трапезной, что позже привело к уничтожению сводов верхнего этажа. В 1809 г. ремонтируются обветшавшие кровли церкви<sup>44</sup>, причем с заменой покрытия главы на железное (зафиксировано в описи 1826 г.)<sup>45</sup>. Дважды — в 1824 и 1829 гг. — чинился пристроенный к трапезе контрфорс, который, видимо, был сложен достаточно небрежно и разрушался от непогоды<sup>46</sup>. К середине столетия церковь вновь оказалась в запустении, и несмотря на то, что к 1846 г. уже все кровли были заменены на железные<sup>47</sup>, большинство зданий требовало нового ремонта. В приличном состоянии оставалась лишь сама церковь, где постоянно велись богослужения; трапезная же палата постепенно разрушалась, а нижний этаж был полностью заброшен, захламлен и стоял с выбитыми дверьми и окончинами<sup>48</sup>. Кроме того, крохотные размеры церкви не могли удовлетворить нужды довольно обширного прихода. Все это побудило настоятеля ферапонтовских церквей Арсения Разумовского приступить к капитальному ремонту Благовещенской церкви и ее переоборудованию, заключавшемуся в объединении церкви и трапезной палаты в единое помещение для богослужения с размещением алтаря внутри собственно церкви.

Получив архиерейское благословение, Арсений Разумовский активно приступил к ремонту, который длился с 1851 по 1853 г. и о ходе которого дают полное представление сохранившиеся документы<sup>49</sup>. Работы коснулись лишь верхнего этажа, предназначенного для богослужения. В трапезной были полностью разобраны обветшавшие своды и заменены накатным деревянным потолком, впоследствии заштукатуренным; к старым растесанным окнам прибавилось два вновь пробитых. Келарня была полностью разобрана "за ветхостью", центральный дверной проем в нее заложен, а боковые превращены в окна. Палата соединялась теперь с алтарем, т.е. бывшим церковным помещением, двумя новыми дверными проемами, пробитыми в добавление к центральному старому. Были переоборудованы печи, дымоходы, заменены двери, окончины, вставлены новые железные решетки; взамен обветшавшего кирпичного пола был настлан деревянный. Ремонт завершился установкой нового иконостаса, который занял место вдоль восточной стены бывшей трапезной. Освящение церкви произошло 26 мая 1854 г.<sup>50</sup>.

Ремонт 1851--1853 гг. решал вопросы лишь приспособления Благовещенской церкви под богослужение и не касался проблем конструктивной прочности здания; его обветшавшие части просто уничтожались, как это произошло с келарской кельей или сводами трапезной палаты, которые были срублены на уровне пят. Такое же отношение к памятнику мы наблюдаем и в течение второй половины столетия, когда ремонты носили косметический характер или, в лучшем случае, были направлены на вычинку кровель. Эти работы проводились в 1866<sup>51</sup>, 1868<sup>52</sup>, 1881<sup>53</sup> гг., а возможно и чаще: расходные книги второй половины XIX в. изобилуют записями о бесконечных ремонтах зданий бывшего монастыря, но, к сожалению, слишком часто они не называют памятников, указывая лишь виды работ. В результате такого отношения Благовещенская церковь дошла к началу нашего столетия не только почти до неузнаваемости искаженной перестройками, но и сильно обветшавшей. Однако по сравнению с другими церквями монастыря она оказалась наиболее приспособленной к богослужению, и это, естественно, привлекло к ней внимание начальства возобновленного в Ферапонтове монастыря. Уже в 1904 г. в Благовещенской церкви была запланиро-

вана существенная перестройка, и лишь вмешательство Археологической комиссии спасло памятник от очередного искажения.

Летом 1904 г. Комиссия командировала в Ферапонтово П.П.Покрышкина для решения вопроса о так называемом "сушиле", которое игумения Таисия намеревалась разобрать на кирпич. В ходе этой командировки выяснилось, что в Благовещенской церкви уже начат ремонт, целью которого являлось оборудование в нижнем этаже келий для монахинь<sup>54</sup>. От имени Комиссии П.П.Покрышкин приостановил этот ремонт, однако окна нижнего этажа и трапезной все же успели растесать<sup>55</sup>. Тогда же он составил примерную смету на ремонт всех зданий монастыря, согласно которой на Благовещенскую церковь, с восстановлением всех утраченных частей здания в их первоначальном виде, требовалась самая большая сумма: в размере приблизительно 12000 руб.<sup>56</sup>.

Однако комплексная реставрация зданий монастыря представлялась делом далекого будущего, а пока обитель должна была решать более насущные проблемы. Из всех построек монастыря Благовещенская церковь оказалась единственным храмом, пригодным для богослужения, которое ежедневно проводилось в нем на протяжении первых лет после возобновления обители. Однако и здесь имелся ряд неудобств. "Благовещенский храм хотя и доступен для богослужения, -- писал архиепископ Новгородский Гурий в одном из рапортов, -- но и он требует значительного ремонта, так как в нем в период упразднения монастыря сняты верхние своды..., а вместо сводов устроен простой деревянный потолок, и притом очень низко, отчего во время богослужения при большом стечении народа бывает душно. Этот храм более удобен и доступен для ремонта, средств для приведения его в порядок потребуется менее... Проект на ремонт Благовещенского храма составлен археологом-художником-архитектором Покрышкиным, причем стоимость самых необходимых работ им исчислена в 8700 руб."<sup>57</sup>. Таким образом, первые же средства, собранные игуменией Таисией и пожертвованные архиепископом Гурием, пошли на ремонт Благовещенской церкви.

Начатый лишь в 1908 г., этот ремонтставил перед собой прежде всего задачи приспособления храма для богослужения, и это в известном смысле предопределило виды и объемы

производства работ. Однако благодаря контролю со стороны Археологической комиссии и наличию реставрационного проекта, разработанного П.П.Покрышкиным, строительные работы велись на высоком уровне и вполне соответствовали реставрационным требованиям своего времени; по существу, этот ремонт явился первым этапом комплексной реставрации здания. В первую очередь у церкви и трапезной палаты были укреплены все фундаменты, где ветхая, испревшая кладка заменялась новой на цементной основе; деревянный накатный потолок в бывшей трапезной палате был удален и заменен сводами, восстановленными в полном соответствии с их первоначальной формой. Кроме того, были полностью обновлены металлические покрытия всех зданий и начата вычинка ветхих стен; последний вид работ не был завершен из-за нехватки средств<sup>58</sup>.

Ремонт 1908 г., несмотря на незавершенность некоторых работ, достиг своей цели, и церковь Благовещения оказалась полностью приспособленной к богослужению. Преимущества, полученные в результате этого ремонта, оказались несколько позже, в 1913 г., когда относительно благополучная ситуация с Благовещенской церковью позволила проводить комплексную реставрацию одновременно на остальных храмах, не прерывая в монастыре богослужений.

Реставрационные работы по церкви возобновились лишь в 1915 г., когда ремонт монастыря в целом уже близился к завершению. Проект реставрации памятника дорабатывался в течение 1914 г.<sup>59</sup>, а на протяжении строительного сезона 1915 г. он был полностью осуществлен<sup>60</sup>. Поражают темпы реставрационных работ и их высочайшее качество -- всего за несколько месяцев Благовещенская церковь с окружающими ее постройками максимально приблизилась к своему первоначальному облику. Проект предполагал полную реставрацию, включая восстановление первоначального облика памятника, и почти весь он был воплощен в жизнь.

Реставрация началась с восстановления первоначальных покрытий: были удалены четырехскатное покрытие церкви и все поздние кирпичные кладки, вычинены своды и купол, сделана новая опалубка с восстановлением первоначальных форм кононников и, наконец, положено новое покрытие из листового

железа с пайкой швов. Крест, снятый во время реставрации, был исправлен, вновь вызолочен и установлен на место. Остался невосстановленным лишь средний ярус кокошников, где покрытие было сделано прямо по своду. Затем последовала разборка заложенных окон барабана и восстановление ниш под звоны в закомарах южного и восточного фасадов, после чего все проемы были забраны дубовыми застекленными окончинами. Все стены и своды церкви и трапезной палаты были тщательно вычищены и затем оштукатурены. Контрфорс, потерявший всякое конструктивное значение, был разобран, а под угол подведен фундамент надлежащей глубины из каменных блоков на цементе; здесь же была восстановлена утраченная пилястра. Наконец, вокруг церкви был понижен до соответствующего уровня грунт и сделана булыжная отмостка со стоками для воды. Таким образом, реставрация Благовещенской церкви, в отличие от собора, практически полностью завершилась в 1915 г. Окончательно Благовещенская церковь приобрела свой первоначальный вид лишь в 1986—1987 гг., когда был восстановлен средний ярус кокошников.

Бурная строительная история Благовещенской церкви с ее многочисленными ремонтами и перестройками во многом предопределила судьбу двух ее иконостасов, которые много раз перестраивались и неоднократно меняли свой состав. Обратимся сначала к истории маленького двухъярусного иконостаса, размещавшегося в небольшом помещении церкви. Его создание закономерно связывать со строительством Благовещенской церкви; судя по ветхости, отмечаемой ранними монастырскими описями, к середине ХУП в. он еще сохранял в основном свой первоначальный состав. Царские врата, расположенные по центру иконостаса, имели резные золоченые двери, а также сени и столбы, "писанные на вохре". Направо помещались "Благовещение" и "Рождество Богоматери" "на водрах" и "Св. Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские и Николай Чудотворец в молении" на красках; налево — "Троица" "на вохре" и "Богоматерь Одигитрия" на празелени. У северной стены располагались пономарские двери, над которыми находилась небольшая икона избранных святых в молении перед Богоматерью Знамение. Десус состоял из 15 икон со "Спасом в силах" в центре, а также,

помимо обязательных образов, — фигурами апостолов и четырех евангелистов. Иконостас крепился в расписных тяблах. Почти все описи XVII в. указывают на ветхость икон из храмового иконостаса, что говорит об их древности<sup>61</sup>.

Первое из известных нам поновлений зафиксировано описью 1693 г. Деисус оказался поновленным и сокращенным до 12 икон. Здесь, помимо "Спаса", "Богоматери", "Предтечи" и двух "Архангелов", остались апостолы "Петр", "Павел", "Иоанн", "Андрей", "Матфей", "Марк" и "Лука". Изменился и местный ряд, где по-прежнему ветхие царские врата оказались смешенными направо и между ними и южной стеной остались лишь две иконы: новый образ "Спаситель с припадающими Ферапонтом и Мартинианом" и "Благовещение". Налево от врат теперь располагаются четыре иконы: новая "Одигитрия", а также уже известные нам "Кирилл, Ферапонт, Мартиниан и Никола", "Троица" и "Одигитрия" (на празелени)<sup>62</sup>. Уже к 1715 г. местный ряд оказывается поновленным и вновь перестроенным. Его композиция снова становится симметричной, замыкаемой по сторонам боковыми дверьми. В иконостасе устанавливаются новые резные царские врата, по сторонам от которых остается по две иконы: справа "Спас" и "Благовещение", слева — недавно появившаяся "Одигитрия" и "Белозерские чудотворцы и св. Николай"<sup>63</sup>. Незадолго до 1747 г. поновляются все иконы (исключая два местных образа справа от врат) и даже тябла иконостаса<sup>64</sup>, но состав его остается прежним, и лишь в описи 1767 г. фиксируется единственное изменение: "Одигитрия" заменяется иконой "Тихвинская Богоматерь"<sup>65</sup>. В таком виде старый тябловый иконостас просуществовал до 1775 г., когда он был полностью перестроен.

Перестройка иконостаса Благовещенской церкви явилась одним из этапов по замене всех монастырских иконостасов в "новом вкусе", которая была предпринята в Ферапонтове во второй половине XVIII столетия. Изготовление и золочение иконостаса, выполненное вологодским подрядчиком И.И.Дружининым, уже упоминавшимся в связи с аналогичными работами в церкви преп.Мартиниана, было начато в конце 1774 г. и завершено к лету следующего года<sup>66</sup>. Опись того же 1775 г. подробно характеризует его внешний вид: "Иконостас новый,

на тунбах, в три апартамента, столярной работы, обложен вокруг в откосах и карнизе флямом, капителки малые резные; ... царские двери резные сквозные новые, без наборов, вызолочены листовым золотом". В местном ряду было установлено пять образов, из которых три — "Благовещение", "Богоматерь Тихвинская" и "Белозерские чудотворцы со св. Николаем" — соответствовали и по расположению, и по названию старым образам, однако, вероятнее всего, были заменены новыми иконами, что, в частности, можно утверждать в отношении храмового образа, сохранившегося до наших дней. Вместо "Спасителя с Ферапонтом и Мартинианом" появился поясной "Вседержитель", исполненный, согласно указанию описи, на старой доске. У левого клироса появляется "Богоматерь Казанская", а пономарские двери становятся расписными, с фигурами архангелов Михаила и Гавриила. Второй регистр состоял из двенадцати праздников, выполненных специально для этого иконостаса, с образом "Спас Нерукотворный" в центре. В третьем регистре помещалась икона Вседержителя "на облацах" и двенадцати апостолов<sup>67</sup>, над которыми возвышалось "Распятие" в резном киоте. Наконец, под местным рядом "на тунбах" помещались: справа "Насыщение народа пятью хлебами" и "Видение Неопалимой Купины", а слева — "Лестница Иакова" и "Жертвоприношение Авраама"<sup>68</sup>. Практически все иконы иконостаса оказались замененными, и предполагать использование старых образов вряд ли возможно. И праздники и местные иконы были написаны заново; в равной степени это распространяется и на деисус, так как размеры старого чина должны были существенно превышать допустимые высоту и ширину, ограниченные новой резной иконостасной рамой, которая, учитывая скромные размеры самого храма, должна была сильно уменьшить размер икон.

Иконостас 1775 г. просуществовал в Благовещенской церкви практически без изменений вплоть до ее капитального ремонта в 1851—1853 гг., когда помещение церкви было превращено в алтарь расширенного за счет трапезной палаты храма, а старый храмовый иконостас стал помехой для богослужений и был полностью разобран. За время существования иконостаса его иконы постепенно ветшали<sup>69</sup>, что вызвало необходимость их поновления; такие работы, в частности, были предприняты

в 1840 г., но какие в точности — неизвестно<sup>70</sup>. Кроме того, в начале XIX столетия на левом клиросе появилась икона "Преподобный Мартиниан в житии", вынесенная из церкви этого святого<sup>71</sup>. Этим ограничиваются сведения об истории храмового иконостаса за последние десятилетия его существования. Судьба его икон будет рассмотрена несколько позже, когда мы обратимся к существующему ныне иконостасу Благовещенской церкви.

Если первоначальный иконостас храма можно с уверенностью датировать 30-ми гг. XVI в., то второй иконостас, стоявший вдоль восточной стены трапезной палаты и как бы обрамлявший вход в церковь, мог возникнуть и значительно позже завершения строительства и освящения Благовещенской церкви. Он не имел обязательного богослужебного и канонического значения, поэтому первоначально мог мыслиться как набор настенных икон, впоследствии принявших облик иконостаса. О том, что его формирование имело постепенный характер, говорит и произвольный состав его икон. Так, направо от церковных дверей в местном ряду стоял небольшой трехъярусный иконостас на 12 створках, забранных в киот. Налево от дверей находились три иконы "на вохре" — "Рождество Богоматери", "Ферапонт и Мартиниан в молении" и "Ефрем Сирин". Во втором регистре располагался десисус на 15 досках "на водрах", к которому около 1673 г. добавилось еще два образа<sup>72</sup>. Примечательно, что все описи ХУП в. фиксируют ветхость десисуса<sup>73</sup>.

Чрезвычайно интересен малый трехъярусный иконостас, находившийся в местном ряду. Его частичный состав становится известным из более поздних описей<sup>74</sup>. В среднике был изображен Вседержитель на престоле, по сторонам — фигуры Богоматери, Предтечи, двух архангелов, Петра и Павла, Василия Великого и Николая Чудотворца, мучеников Дмитрия и Георгия, преподобного Иоанна Лествичника. Выше шли праздники — из них известны "Благовещение", "Рождество", "Сретение", "Богоявление", "Воскрешение Лазаря", "Вход в Иерусалим", "Распятие", "Воскресение", "Вознесение", "Сошествие св.Духа". В третьем регистре шел пророческий чин с "Богоматерью Знамение" в центре. Иконы имели золотые фона и были написаны на 12 вертикально поставленных досках-створках. Трехъярусность

этого иконостаса и иконография его средника -- "Вседержителя на престоле" -- позволяет отнести его к XVI в. и связать его происхождение с иконографической традицией, ориентированной на Новгород. Совершенно очевидно, что этот небольшой иконостас не мог предназначаться для трапезной палаты<sup>75</sup> и попал сюда случайно либо будучи пожертвованным в монастырь, либо оказавшись перенесенным сюда из какой-то крохотной церкви; вполне вероятно, что он происходит из часовни над могилой преп. Мартиниана, на месте которой в 1641 г. была возведена церковь<sup>76</sup>.

Первые заметные изменения, имевшие место, видимо, на рубеже столетий, фиксирует опись 1715 г. Так, три местных иконы слева от двери были переставлены, а десус оказался поновленным и частично, а то и полностью, замененным, так как опись уже не указывает на его ветхость. В десусе, помимо обязательного состава, названы "Иоанн Богослов", "Матфей", "Лука", "Марк", "Фома", "Иаков Зеведеев", "Андрей Первозванный", "Кирилл Новоезерский" и "Мартиниан"<sup>77</sup>. Уже к середине столетия происходят новые весьма существенные изменения: почти полностью обновляется и заметно расширяется состав местного ряда. Так, из старых икон остался лишь малый 12-створчатый иконостас, который по-прежнему находился в правой части местного ряда, но оказался отодвинутым вплотную к южной стене. Между ним и церковными дверьми появляются новые иконы: "Воскресение Христово", "Преп. Мартиниан", "Благовещение", "Тайная Вечеря", "Образ всех святых". Налево располагаются "Богоматерь Цареградская", "Преп. Ферапонт", "Распятие", "Троица", "Иоанн Предтеча", "Собор архангела Михаила", "Богоматерь", "Архистратиг Михаил". Состав десуса остается прежним<sup>78</sup>. Последующие три десятилетия не внесли никаких существенных перемен в облик трапезного иконостаса, состав которого остается неизменным, а передвижения ограничиваются переменой местами отдельных местных икон<sup>79</sup>. И только в 1775 г. в трапезной был поставлен новый резной иконостас, а состав его икон претерпел некоторые изменения.

В расходных книгах этого времени нет точных указаний о работах в трапезной палате, однако можно не сомневаться, что они проводились параллельно с заменой храмового иконостаса и выполнялись тем же подрядчиком. Новый иконостас

("столярной работы", "на тунбах", "обложен вокруг дорожниками, а карниз флямом") по-прежнему остается двухъярусным; в местном ряду справа от дверей мы находим уже известные нам иконы ("старинной работы"): "Воскресение", "Благовещение", "Тайную вечерю", "Преп.Ферапонта", "Образ всех святых", а также малый трехъярусный иконостас, сокращенный до семи створ. Налево располагаются: "Богоматерь Цареградская", "Троица", "Распятие", "Преп.Мартиниан", "Иоанн Предтеча", "Собор архангела Михаила", "Богоматерь" из дейсуса, вновь "Богоматерь", "Архангел Михаил" и одна из створок малого иконостаса с изображением св.Георгия, Благовещения и пророка Аввакума. В дейсусе к старым восемнадцати образам добавляется девять новых икон с восемнадцатью фигурами преподобных отцов. Наконец, внизу под местным рядом "на тринацдцати тунбах писаны вновь на красках жития и разные труды преподобных отец и столпников"<sup>80</sup>.

Но и этот иконостас простоял в трапезной лишь до 1851 г., причем за период своего существования он утратил часть местных икон. Уже в описи 1795 г. отсутствует малый трехъярусный иконостас, явившийся к этому времени наиболее древней составной частью местного ряда<sup>81</sup>. Позже исчезает "Богоматерь" из дейсуса, а "Иоанн Предтеча" выносится в собор<sup>82</sup>. на его месте вскоре мы находим образ "Рождество Богоматери". Наконец, незадолго до ремонта 1851 г. на месте, где когда-то находился малый иконостас, появляется икона Вседержителя<sup>83</sup>. Этим исчерпываются какие-либо передвижения или замены икон, происходившие по трапезному иконостасу за период с 1775 по 1851 г. Примечательно, что за это время в расходных книгах монастыря мы не найдем ни одного указания о по-новлении икон, в результате чего к середине столетия они сильно обветшали<sup>84</sup> и при перестройке иконостаса были в основном заменены.

Последней страницей в истории икон Благовещенской церкви является ремонт 1851—1853 гг., в ходе которого храмовый иконостас прекратил свое существование. Что же касается трапезного, то хотя и возможно употребление его конструкций для новой иконостасной рамы, полностью он вряд ли мог быть сохранен, так как его высота должна была превышать уровень нового накатного потолка, настланного в ходе ремонта

на высоте пят сводов трапезной палаты. Да и сами ремонтные работы — замена сводов потолком, растеска двух новых дверей в алтарь и т.д. — требовали практически полного его демонтажа. Установка нового иконостаса, завершившаяся в начале 1854 г., была выполнена "иконостасным подрядчиком" Н.Милавиным<sup>85</sup> — автором существующего ныне иконостаса церкви преп.Мартиниана (1840). Довольно скромное вознаграждение, полученное Н.Милавиным за работу (208 руб.),, позволяет предположить, что он использовал готовые детали двух разобранных иконостасов и в первую очередь резьбу, пышный стиль которой напоминает конец XVIII в. По крайней мере это можно утверждать в отношении царских врат и столбцов, перенесенных сюда из храмового иконостаса.

Состав икон нового иконостаса оказался сборным и весьма разнообразным. Предпринятый нами анализ передвижений и изменений храмового и трапезного иконостасов, который мог показаться читателю несколько затянутым и утомительным, помогает нам, тем не менее, довольно точно датировать большинство икон, сохранившихся в настоящее время в Благовещенской церкви. Судя по описи 1860 г., существующий ныне иконостас дошел до нас без единого изменения, и лишь порядок икон местного ряда сейчас несколько нарушен. Так, согласно описи, справа от врат находился "Спаситель", затем южные двери в алтарь с фигурой архангела Гавриила и далее "Благовещение", "Рождество Иоанна Предтечи", "Арсений Тверской", "Три святителя", "Ферапонт, Мартиниан и Николай Чудотворец"; слева, после "Скорбящей Богоматери" и северных дверей с фигурой архангела Михаила шли "Собор архангела Гавриила", "Апостолы Петр и Павел", "Митрофан Воронежский", "Антоний Римлянин, Кирилл Белозерский и Кирилл Новоезерский". Во втором регистре в центре находились "Спас Нерукотворный" и "Тайная вечеря", а по сторонам 30 икон "господских праздников и святых апостолов". Составитель описи (Арсений Разумовский) указывает, что в местном ряду все образы, кроме храмового, новые, а в верхнем — старые поновленные<sup>86</sup>.

К сожалению, три самые древние иконы из состава иконо-

стаса Благовещенской церкви относятся лишь к концу XVII в. и происходят из деисуса трапезного иконостаса, который на рубеже XVII и XVIII столетий был существенно обновлен. На этих недавно раскрытих иконах изображены апостолы Иаков, Матфей и Марк; сохранность их плохая -- нижняя часть икон спилена при подгонке к новой раме, поля стесаны, а на фигуре Марка имеется большая утрата грунта. К следующему периоду относятся иконы 1775 г. из храмового иконостаса. Эта группа представлена храмовым образом, двумя пономарскими дверьми с фигурами архангелов Михаила и Гавриила, средником праздничного ряда с изображением Спаса Нерукотворного (сейчас икона имеет фигурный спил под новую раму), а также одиннадцатью праздниками ("Рождество Богородицы", "Введение во храм", "Благовещение", "Рождество Христово", "Сретение", "Преображение", "Вход в Иерусалим", "Вознесение", "Троица", "Успение", "Воздвижение креста"). К этому же периоду относятся царские врата, столбы и некоторые летали иконостасной резьбы.

Остальные иконы относятся к XIX в., но также делятся на две группы. В первую группу входят все иконы местного ряда (за исключением "Благовещения" и пономарских дверей) и "Тайная вечеря" во втором регистре. Эти иконы, очевидно, выполнены живописцем Александром Акининым в 1852--1854 гг.<sup>87</sup>; сюжеты новых икон определял священник Арсений Разумовский, который, частично повторив старые образы, заказал и несколько новых икон, в том числе изображение своего патрона -- св. Арсения Тверского. К другой группе относятся иконы из второго регистра: сюда входят четыре праздника ("Воскрешение Лазаря", "Уверение Фомы", "Проповедь в храме", "Воскресение") и 12 икон из поясного деисуса с изображениями Богоматери, Предтечи, двух архангелов и восьми апостолов. Их происхождение неизвестно, однако чрезвычайно низкий, ремесленный уровень живописи, граничащий с полным неумением, дает основание предполагать, что в иконостас Благовещенской церкви они попали из одной из окружавших Ферапонтов монастырь приходских деревенских церквей.

## Примечания к главе У:

+ Предлагаемая статья является продолжением работы, опубликованной во II Ферапонтовском сборнике (М., 1988, с. 9--98). Когда писалась первая часть, посвященная в основном собору Рождества Богородицы и церкви преп. Мартиниана, исследование материалов, касающихся других построек монастыря, еще не было проведено, поэтому в ее тексте можно встретить традиционные датировки и выводы относительно некоторых монастырских сооружений, которые при более тщательном изучении их строительной истории оказались неверными. В первую очередь это касается колокольни, датируемой обычно концом XVI столетия, однако оказавшейся постройкой конца XVII в. Кроме того, более пристальное ознакомление с источниками позволило дать твердые датировки двум важным документам: первой из сохранившихся монастырских описей (ГАВО, ф. 883, № 40), по недоразумению датируемой 1664 годом (этую ошибку можно встретить уже в статьях И. А. Кочеткова и С. В. Филатова, опубликованных в I Ферапонтовском сборнике), тогда как она имеет определенную дату -- 5 июля 1665 г., а также "Историко-статистическому" описанию монастыря, анализ текста которого позволяет отнести его к 1860 г. взамен прежней датировки 1856 г.

I Подъяпольский С. С. Путеводитель по архитектурным памятникам Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей. Вологда, 1963, с. 58; Бочаров Г. Н., Выголов В. П. Вологда.

Кириллов. Ферапонтово. Белозерск. М., 1979, с. 294.

2 В приведенном тексте вышедшие из употребления буквы заменены на современные, а "Ъ" поставлен только там, где он употреблен в оригинале. Сокращенные буквы воспроизведены в круглых скобках.

3 Бриллиантов И. И. Ферапонтов Белозерский, ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона. К 500-летию со времени его основания. 1398--1898. СПб., 1899, с. 71.

4 Покрышкин П. П., Романов К. К. Древние здания в Ферапонтовом монастыре, Новгородской губернии. -- Известия имп. Археологической комиссии, вып. 28. (Вопросы реставрации,

вып.2). СПб., 1908, с.131.

5 Предложенная датировка и ее обоснование разработаны М.С.Серебряковой; эти данные нигде не опубликованы и приведены здесь с ее согласия.

6 Бриллиантов И.И. Ук. соч., с.71. Автор ссылается на рукопись Погодинского собрания Публичной библиотеки № 1554, где записано: "В лето 7043 свершена бысть в Ферапонтове монастыре трапеза и церковь кирпичная теплая. В лето 7045 месяца декабря в 3 день на память пророка Софии освящена бысть церковь теплая Благовещения Пресв. Богородицы в Ферапонтове монастыре". См. также: Описание славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1878, с.93.

7 Покрышкин П.П., Романов К.К. Ук. соч., с.132.

8 Там же.

9 Бриллиантов И.И. Ук. соч., с.72.

10 П.П.Покрышкин первым отметил сходство Благовещенской церкви со столпообразным храмом-звонницей, что подчеркнуто отсутствием апсиды. См.: Покрышкин П.П., Романов К.К. Ук. соч., с.133.

11 Подъяпольский С.С. Архитектурные памятники Спасо-Каменного монастыря (ХV--ХVI вв.) -- Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. ХV--ХVI вв. М., 1970, с.450--456.

12 Кривоносов В.Т., Макаров Б.А. Архитектурный ансамбль Борисоглебского монастыря. М., 1987, с.31--35.

13 Подъяпольский С.С. Архитектурные памятники Спасо-Каменного монастыря (ХV--ХVI вв.), с. 450--456.

14 См. реконструкцию в книге: Подъяпольский С.С. Путеводитель, с. 17.

15 Кривоносов В.Т., Макаров Б.А. Ук. соч., ил. 21, 24, 25.

16 См. реконструкцию в работе: Подъяпольский С.С. Архитектурные памятники Спасо-Каменного монастыря (ХV--ХVI вв.), с. 455.

17 Так, Н.Н.Воронин считает его автором собора Борисоглебского монастыря (1522--1524), собора (1521--1523) и трапезнной (1525--1530) Троице-Калязина монастыря (Воронин Н.Н. Очерки по истории русского зодчества ХV--ХVII вв. М.--Л., 1934, с.22--24), а В.Т.Кривоносов и Б.А.Макаров

- автором трапезной Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле (Кризиносов В.Т., Макаров Б.А. Ук. соч., с.35). 18 Воронин Н.Н. Хутынский столп 1535 г. (К проблеме шатровой архитектуры). -- Советская археология, УШ, 1946, с.300--305.
- 19 М.А.Ильин совершенно справедливо отмечает, что столпообразные храмы стимулировали не столько формы, сколько саму идею шатрового строительства. См.: Ильин М.А. Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI века. Проблемы и гипотезы, идеи и образы. М., 1980, с.27--28.
- 20 И.И.Бриллиантов, ссылаясь на уже упоминавшуюся рукопись имп.Публичной библиотеки (Погод. 1554), приводит следующие сообщения: "В лето 7043 дал Иван Третьяков колокол в Ферапонтов монастырь"; "В лето 7044 слил колокол в Ферапонтов монастырь Дмитрий Семенович Воронцов" (Бриллиантов И.И. Ук. соч., с.74).
- 21 В частности, опись 1665 г. (ГАВО, ф. 883, № 40, л. 49) называет "два колокола больших, один очапной, другой прибойной, да шесть малых и средних колоколов". О системе очапного звона см.: Кавельмахер В.В. Способы колокольного звона и древнерусские колокольни. -- Колокола. История и современность. М., 1985, с. 39--79.
- 22 Последний раз книгохранилище наверху Благовещенской церкви фиксируется описью 1747 г.: "Из теплой церкви Благовещения Пресвятая Богородица северной стеной лесница каменная внутри входа на церковь и на хранителную палату, а в ней святых книг ..." (ГАВО, ф.496, оп.1, № 1663, л. 106). В последующих описях книгохранилище оказывается перенесенным в ризницу.
- 23 В описи 1747 г. довольно подробно воспроизведены подсобные помещения трапезной: "Из трапезы вход в столовую палату каменную... И с той палаты два схода вниз с лесницами каменными, один под церковь в зимней теплой погреб, другой под ту палату в хлебодой. Под трапезной хлебня... Под той же трапезной погреб теплой, вход с монастыря" (там же, л. 79).
- 24 ГАВО, ф. II73, № 79: Опись Ферапонтова монастыря, 1798 г., л. 1 об.

- 25 ГАВО, ф. 883, № 40: Опись I665 г., л. 49.
- 26 Покрышкин П.П., Романов К.К. Ук. соч., с. I37.
- 27 Там же, табл. XVI--ХVIII.
- 28 ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 450: Опись Ферапонтова монастыря, около I7I5 г., л. 38 об.--39: "Церковь во имя Благовещения Пресвятая Богородицы теплая с трапезою и с папертью, вход к той церкви рундук каменной, лесницы на три стороны, с одну сторону на каменных лесницах ступени деревянные. С того рундука на паперть лесница на тетивах деревянная на каменной же леснице, а каменная лесница обвалилась. Над папертью, над рундуком своды каменные, гораздо ветхи, во многих местах седины". Там же, ф. 496, оп. 1, № I663: Опись I747 г., л. 76: "Вход к той церкви крыло каменное, лесницы на три стороны, ветхи. Над папертью и над крылом и лесницами своды каменные, гораздо ветхи, во многих местах седины".
- 29 Совершенно одинаковое описание Благовещенской церкви ("церковь каменная теплая с трапезою Благовещения Пречистые Богородицы, глава и крест обиты белым железом") мы встретим во всех описях ХVII в.: I665 г. -- ГАВО, ф. 883, № 40, л. I8; I665 г. -- ОР ГПБ, Q IV 398, л. I9; I673 г. -- ОР КБИАХМЗ, № 9I, л. 22; I680 г. -- ГАВО, ф. 883, № 59, л. 22 об.; I693 г. -- ГАВО, ф. 883, № 78, л. 26 об.
- 30 ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 450: Опись около I7I5 г., л. 38 об.--39.
- 31 Описи I665 и I673 гг. фиксируют на звоннице восемь колоколов (I665 г. -- ГАВО, ф. 883, № 40, л. 49; I673 г. -- ОР КБИАХМЗ, № 9I, л. 59). К I680 г. малых и средних колоколов становится десять (ГАВО, ф. 883, № 59, л. 68--69).
- 32 Покрышкин П.П., Романов К.К. Ук. соч., с. I34--I35.
- 33 См. примечание № 28.
- 34 ГАВО, ф. 496, оп. 1, № I663: Опись I747 г., л. 76; ОР ГБЛ, ф. 209, № 50I: Опись I767 г., л. 2.
- 35 ГАВО, ф. 496, оп. 1, № I663: Опись I747 г., л. 76. Судя по описанию, приведенному в этом подробнейшем документе, все кровли в это время имели сдинаковое покрытие: "кровля на церкви, на трапезе, на паперти и над крылом крыта тесом".

- 36 ЦГАДА, ф.280, оп. 6, № 3466: Книга прихода и расхода денег Ферапонтова монастыря, 1768 г., л. 2.
- 37 ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 3067: Выписки из приходо-расходных книг Ферапонтова монастыря, 1771--1774 гг., л. 6 об.
- 38 ЦГАДА, ф. 280, оп. 8, № 68: Приходо-расходная книга Ферапонтова монастыря, 1772 г., л.3.
- 39 ЦГАДА, ф. 280, оп. 10, № 339: Счетный список Ферапонтова монастыря, 1774--1776 гг., л. 19.
- 40 ОР ГПБ, F IУ 753: Опись 1775 г., л. 2 об.
- 41 Покрышкин П.П., Романов К.К. Ук. соч., с.131-138.
- 42 "Церковь соборная теплая во имя Благовещения Пресвятая Богородицы каменная с трапезою, при ней кладовая палата и келарская келья. Под ними погреба каменные вновь поправленные, из старой хлебопекарни поновленная келья, и при оной под келарней тоже отделанная вновь из чуланов баня с предбанием, и позади их кладовой конюшний чулан. В которых строениях две печи с подлежащим прибором, четыре двери разбитые вновь, шесть разбитых вновь больших окон. Оная церковь об одной главе вновь зделанной с кумполом. Глава и кумпол покрыты новым тесом и покрашены разными красками. Крест на главе железной новой и золотом позолочен... В трапезе и церкви десять окон больших, в них окончины стекольчатые. В келарскую келью две двери, где ныне братное сушило. В оной три окна большие с окончинами стекольчатыми... И все строение покутано тесом новым и красками выкрашено, и где щели были, то заделаны порядочно и залиты цементом, и как трапеза, так и кладовая палата связаны вновь железными связями" (ГАВО, ф. II73, № 79, л. 1 об.--2).
- 43 ГАВО, ф. II73, № II5: Книга записи расходов церкви Рождества Богородицы упраздненного Ферапонтова монастыря, 1807 г., л. 4 об.
- 44 ГАВО, ф. II73, № II7: Книга записи расходов..., 1809--1855 гг., л.6 об.
- 45 ГАВО, ф. II73, № 80: Опись церкви Рождества Богородицы упраздненного Ферапонтова монастыря, 1826 г., л. 4 об.: "Церковь... каменная теплая, покрыта тесом, глава и кумпол обиты белым железом..."
- 46 ГАВО, ф. II47, оп. 2, № 473: Книга записи расходов..., 1823--1835 гг., л. 6 об., 21.

- 47 ГАВО, ф. II47, оп. 2, № II77: Опись имущества Богородице-Рождественской церкви, 1846 г., л. 5: "Церковь... покрыта железом и выкрашена медянкою, глава и кумпол обиты белым железом".
- 48 В таком виде церковь предстает в описании Арсения Разумовского, выполненном уже после ремонта. См.: ОПИ НГОМЗ, № I060I: Историко-статистическое описание Богородице-Рождественского упраздненного Ферапонтова монастыря, 1860 г., л. I4 об.--I5 об.
- 49 ГАВО, ф. II70, оп. 1, № II1: Смета на ремонтные работы в церкви Благовещения, 1851 г. (составлена Александром Юшковым); ГАВО, ф. II73, № II8: Книга записи расходов..., 1851--1875 гг., л. I--I4 об.; ОПИ НГОМЗ, № I060I: Опись 1860 г., л. I4 об.--I5.
- 50 ГАВО, ф. II47, оп. 2, № I512: Книга входящих бумаг Кирилловского Духовного правления за 1853 г., л. 48.
- 51 ГАВО, ф. II73, № II8, л. 5I.
- 52 Там же, л. 58 об.
- 53 ГАВО, ф. II73, № I20: Книга записи расходов..., 1880--1882 гг., л. 6 об.
- 54 ЦГИА, ф. 799, оп. 25, № I423: Дело о командировании П.П.Покрышкина в Ферапонтов монастырь, 1904--1914 гг., л. 6--10 об.
- 55 Покрышкин П.П., Романов К.К. Ук. соч., с. I35--I38.
- 56 ЦГИА, ф. 799, оп. 25, № I423, л. 6 об.
- 57 Там же, л. I0.
- 58 Разрозненные сведения о ремонте 1908 г. находятся в нескольких архивных делах. См.: ЦГИА, ф. 799, оп. 25, № I423, л. 9--I0 об.; ЦГАДА, ф. I287, оп. 1, № 2189: Письма игумении Таисии С.Д.Шереметеву, л. I--2 об. (письмо от 31 декабря 1908 г.); ЦГАДА, ф. I44I, оп. 3, № 2532: Отчет о состоянии Богородице-Рождественского Ферапонтова монастыря, 1909 г., л. I3 об.; ЦГАДА, ф. I287, оп. 1, № 4258: Материалы С.Д.Шереметева по восстановлению Ферапонтова монастыря, л. 20--20 об. (из "Памятной записки" игумении Таисии для предоставления Николаю II, 1909 г.); ЦГИА, ф. 799, оп. 33, № I053: Страховочные документы по монастырям Кирилловского и Белозерского уездов, 1910--1915гг., л. 63.

- 59 Известия имп. Археологической комиссии, вып. 55.  
(Вопросы реставрации, вып. I4). Пг., 1914, с. 87.
- 60 Наиболее подробно ход реставрации Благовещенской церкви отражен в книге: Отчет о деятельности Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины за 1914 и 1915 гг. Пг., 1916, с. 23.
- 61 Сведения об иконостасе в описях ХУП в. довольно скучны и в разных деталях дополняют друг друга. См.: ГАВО, ф. 883, № 40: Опись 1665 г., л. 18--18 об.; ОР ГПБ, Ф. IY 398: Опись 1665 г., л. 19 об.; ОР КБИАХМЗ, № 91: Опись 1673 г., л. 22--22 об.; ГАВО, ф. 883, № 59: Опись 1680 г., л. 22 об.--23.
- 62 ГАВО, ф. 883, № 78: Опись 1693 г., л. 27--27 об.
63. ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 450: Опись около 1715 г., л. 39--40.
- 64 ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 1663: Опись 1747 г., л. 76 об. --77.
- 65 ОР ГБЛ, ф. 209, № 501: Опись 1767 г., л. 16 об.
- 66 ЦГАДА, ф. 280, оп. 10, № 339: Счетный список Ферапонтова монастыря, 1774--1776 гг., л. 16--19.
- 67 В описи дано обычное для подобных документов суммарное описание деисусного ряда ("по сторонам двенадцать апостолов, писаны на красках"), где допущена часто встречающаяся неточность — всем персонажам чина дано общее наименование "апостолов". Однако совершенно очевидно, что деисус без Богоматери, Предтечи и двух архангелов недопустим, и иконостас Благовещенской церкви не является исключением. Это подтверждается одной из более поздних описей, где опущенные лица указаны (ГАВО, ф. II73, № 80: Опись 1826 г. л. 5).
- 68 ОР ГПБ, Ф IY 753: Опись 1775 г., л. 26--26 об.
- 69 В частности, на ветхость царских врат указывает опись 1846 г. (ГАВО, ф. II47, оп. 2, № II77, л. 6--6 об.).
- 70 ГАВО, ф. II47, оп. 2, № 765: Книга расхода денежных сумм Богоявленской церкви, 1836--1850 гг., л. 19 об. Деньги в сумме 12 руб. 85 коп. получил живописец Арест Иванов Григорьев.

71 На этот факт указывает упомянутая опись 1826 г. (ГАВО, ф. II73, № 80, л. 4 об.). Примечательно, что опись 1846 г. так фиксирует этот образ: "Образ в чудесех преп. Мартиниана, на коем венец и цата серебряные позолоченные" (ГАВО, ф. II47, оп. 2, № II77, л. 6 об.). Судя по всему, перед нами храмовый образ церкви преп. Мартиниана; к сожалению, суммарные описания икон в цитируемых документах не позволяют точно установить, был ли этот образ сюда перенесен до составления описи 1826 г., или же он заменил другую аналогичную икону, оказавшись в Благовещенской церкви после полной перестройки иконостаса церкви Мартиниана в 1836 г.

72 Деисус из 17 икон, вместо прежних 15, впервые упоминается в описи 1673 г.: ОР КБИАХМЗ, № 91, л. 23—23 об.

73 ГАВО, ф. 883, № 40: Опись 1665 г., л. 19—19 об.; ОР ГПБ, Q IУ 398: Опись 1665 г., л. 20; ОР КБИАХМЗ, № 91: Опись 1673 г., л. 23 об.; ГАВО, ф. 883, № 78: Опись 1693 г., л. 28.

74 Малый иконостас более подробно воспроизведен в описи около 1715 г., где назван состав его деисуса (ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 450, л. 41), и описи 1775 г., приводящей подробное описание всего иконостаса, который к тому времени сократился до семи створок (ОР ГПБ, F IУ 753, л. 27).

75 Об этом говорит и его маленький размер, и урезанный уже в середине XVII в. состав — отсутствие по крайней мере еще одной створки с симметричной изображению Ефрема Сирина фигурой святого монаха.

76 Существование этой церкви-часовни вряд ли может вызывать сомнения. Еще до канонизации преп. Мартиниана в 1549 г. он почитался как местночтимый святой, на что, в частности, указывает наружная фреска Дионисия, где Мартиниан изображен в виде святого монаха. Таким образом, часовня могла возникнуть еще до канонизации святого. В одном из документов раннего XVII в. фигурирует рака преподобного — И.И.Бриллиантов приводит сведения о разорении ее казаками в 1613 г. (Ук. соч., с. 74—75: "...на чудотворцевой де раке был бархат черн, и тот де бархат казаки взяли..."); однако очевидно, что рака не могла стоять ни под открытым небом, ни даже под навесом или в нише.

77 ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 450: Опись около 1715 г., л. 41--41 об.

78 ГАВО, ф. 496, оп. 1, № II63: Опись 1747 г., л. 77--77 об.

79 Так, в 1751 г. меняются местами "Распятие" и "Преподобный Ферапонт" (ОР ГПБ, F IУ 752: Опись 1751 г., л. 20--20 об.), а к 1763 г. их прежний порядок восстанавливается (ЦГАДА, ф. 280, оп. 3, № 746: Опись 1763 г., л. 59--59 об.). Затем, к 1767 г., меняются местами "Благовещение" и "Воскресение", а икона "Преп.Мартиниан" оказывается первой в левой части местного ряда. За ней следуют "Преп.Ферапонт", "Богоматерь Цареградская", "Троица" и "Распятие". Порядок последующих икон в левой части ряда не изменился (ОР ГБЛ, ф. 209, № 501: Опись 1767 г., л. 18--18 об.).

80 ОР ГПБ, F IУ 753: Опись 1775 г., л. 27--27 об.

81 ЦГАДА, ф. I44I, оп. 3, № 800: Опись 1795 г., л. 7. Те же данные — в описи 1798 г. (ГАВО, ф. II73, № 79, л. 8 об.).

82 ГАВО, ф. II73, № 80: Опись 1826 г., л. 8 об.

83 ГАВО, ф. II47, оп. 2, № II77: Опись 1846 г., л. 6 об. --7.

84. Там же.

85 Сведения об этих работах содержатся в расходной книге за 1851—1875 гг. (ГАВО, ф. II73, № II8, л. 6 об.—I3).

86 ОПИ НГОМЗ, № I060I: Опись 1860 г., л. I6—I7.

87 ГАВО, ф. II73, № II8, л. 6 об.—I4. А.Акинин получил за эту работу I6I руб.

## Глава VI

### Переходы между собором Рождества Богородицы и Благовещенской церковью. Колокольня

В отличие от строительной истории культовых сооружений Ферапонтова монастыря, изобилующей событиями и датами, судьба колокольни и переходов между собором и Благовещенской церковью полна нерешенных вопросов, в отношении которых существует немало мнений. В первую очередь это ка-

сается даты строительства обоих сооружений, о чем ни в летописях, ни в монастырских документах, ни в других источниках не обнаружено никаких сведений. Большинство авторов в своих датировках основывалось на стилистических особенностях строений, что неизбежно привело к существенным расхождениям, так как и колокольня и особенно переходы за свое существование не раз ремонтировались и сильно изменили свой облик. Первый исследователь Ферапонтова И.И.Бриллиантов, не уточняя подробностей, относит переходы и колокольню к ХУП в.; в своих выводах он, видимо, основывался на косвенных данных, извлеченных из документов монастырского архива, к анализу которых мы скоро обратимся, однако никаких ссылок в своей книге он не дает<sup>1</sup>. П.П.Покрышкин и К.К.Романов датируют оба здания одним строительным периодом, относящимся к концу XVI столетия, видя в них, особенно в колокольне, следы влияния западного классицизма, свойственного для архитектуры эпохи Бориса Годунова<sup>2</sup>. С.С.Подъяпольский считает, что оба строения созданы в ХУП в., но колокольня возведена раньше и некоторое время стояла одна, а переходы были пристроены к ней позже<sup>3</sup>. Наконец, Г.Н.Бочаров и В.П.Выголов, не уточняя последовательности возведения колокольни и переходов, датируют оба здания ХУП веком, подчеркивая традиционность их архитектурных форм<sup>4</sup>.

В нашем распоряжении нет данных, позволяющих точно определить дату строительства переходов и колокольни, однако многочисленные монастырские документы, а также ряд натурных наблюдений дают нам возможность довольно последовательно восстановить строительную историю обоих сооружений. Сразу следует отметить, что, согласно монастырским описям, почти все ХУП столетие колокольня еще не существовала. Так, наиболее ранняя опись 1665 г. в следующих словах воспроизводит облик переходов: "А от соборной церкви к трапезе переходы каменные; над переходы часовня брусовая, а в ней часы боивы с перечасьем"<sup>5</sup>. Таким образом, роль звонницы во второй половине ХУП в. продолжала исполнять Благовещенская церковь. Поэтому естественно начать наш обзор со строительной истории переходов

и в первую очередь попытаться определить дату их постройки.

История переходов неразрывно связана с судьбой паперти Благовещенской церкви и Богородице-Рождественского собора, для соединения которых они, собственно, и были возведены. И здесь нам необходимо вкратце остановиться на истории соборных паперей, которая в соответствующем разделе данной работы была опущена. Формирование облика паперей, возведенных, очевидно, на основе открытого гульбища, окружавшего собор с трех сторон, началось в первой половине XVI столетия. В северо-западном углу нынешней паперти сохранились остатки первоначальной звонницы, одновременной собору; здесь же, на примыкающей западной стене, читаются контуры открытой аркады, которая была возведена на гульбище и явилась первым этапом создания паперти. Эта аркада была перекрыта кровлей, что затрудняло функционирование звонницы, из чего можно сделать вывод, что создание аркады оказалось возможным только после того, как звоннице появилась замена, т.е. была возведена Благовещенская церковь. Очевидно, аркады вокруг собора были построены вскоре после завершения Благовещенской церкви — в пандан ее паперти, имевшей аналогичное решение. Таким образом, появление аркад следует связывать со вторым периодом каменного строительства в монастыре, когда вокруг собора создается целый ансамбль построек. Отправной точкой этого строительства является закладка Благовещенской церкви с тралезной палатой; сюда же следует относить указанные галереи, казенную палату, более известную в литературе как "сушило", а также, с большой долей вероятности, святые врата, впоследствии перестроенные, и большинство хозяйственных построек, до нас не дошедших (к их истории мы обратимся в следующих разделах). Начавшееся в 1530 г., это строительство вряд ли продлилось далее середины столетия; поэтому аркаду собора можно датировать 30—40-ми гг. XVI в.

Что же касается переходов, то к этому строительному периоду они относиться не могут. На их отсутствие указывает прежде всего первоначальная форма паперти Благовещенской церкви, которая имела в центре южного фасада крыльцо;

однако совершенно очевидно, что если бы переходы были построены одновременно с комплексом Благовещенской церкви, указанное крыльцо не только не имело бы функционального смысла (поскольку вход в церковь осуществлялся бы через переходы), но и нарушало художественную цельность ансамбля. За то, что переходы были построены позже, говорит и планировка трапезной палаты, явно не ориентированная на их присутствие. Вряд ли можно относить их строительство и ко второй половине XVI в., так как подобное предприятие требовало немалых затрат, а у монастыря в это время появилась насущная необходимость в строительстве более важного объекта -- церкви над мощами преподобного Мартиниана, канонизированного в 1549 г.

Возникновение переходов, а также закладку аркад паперей собора и Благовещенской церкви следует связывать с третьим периодом каменного строительства, которое приходится на 40-е гг. XVII в. и отмечено возведением церкви преп. Мартиниана и надвратных церквей. Возведение первого из названных храмов, примыкавшего вплотную к собору и частично уничтожившего его южную галерею, вероятно, повлекло за собой некоторые изменения в облике паперти, что могло вскоре привести и к созданию крытых переходов, а также полной закладке обеих галерей. Очевидно, эти работы явились завершающим этапом данного строительного периода, в результате которого монастырский ансамбль значительно изменил свой облик.

Как мы увидим далее, переходы оказались полностью перестроенными в конце XVIII в., поэтому составить приблизительное представление об их облике мы можем на основании тех участков паперей, где сохранилась одновременная строительству переходов кладка XVII в. Сюда относятся северная паперть собора, а также восточная и западная стены паперти Благовещенской церкви, которые дают общее представление с характере декора наружных деталей фасадов -- пилястр, карнизов, обрамлений окон, цоколей. Эти скучные декоративные мотивы находят множество параллелей в русской архитектуре середины XVII в. и в первую очередь в аналогичных деталях надвратных церквей Ферапонтова монастыря, на чго

в свое время указывал еще П.П.Покрышкин<sup>6</sup>. Переходы имели сводчатые перекрытия<sup>7</sup>, что же касается других подробностей планировки или конструкции этого здания (конструкция входа, тип связи стен со срубом часовни, покрытия и т.д.), то восстановить их в точности у нас нет никакой возможности. Все описи XVII в. в одних и тех же словах, процитированных нами выше, описывают каменные переходы и возвышавшуюся над ними бревенчатую часовню, однако и этот текст не дает ответов на данные вопросы. Нам остается лишь предполагать, что часовня располагалась по центру, над крыльцом или аркой, а из-под нее поднимались лестницы на обе стороны переходов. Впервые она зафиксирована в монастырской описи 1693 г.: "... от соборных церкви к трапезе переходы каменные, а над переходом вновь колокольня новая каменная. А на ней средних и малых и перечасных восьмь колоколов. Да на той же каменной колокольне поставлены часы боевые, переведены с старые деревянные часовни"<sup>8</sup>. Самая ранняя опись XVIII в. (около 1715) дополняет: "...колокольня каменная шатровая, глава обита чешуею деревянною, крест деревянной опаян железом. Сквозное колокольни построены ... переходы каменные, ведены с подошвы"<sup>9</sup>. Таким образом, колокольня первоначально имела крытую лемехом главу и открытый шатер (как и предполагали П.П.Покрышкин с К.К.Романовым<sup>10</sup>), на котором в четырех люкарнах находились циферблаты часов, перенесенных сюда из прежней часовни. Расположенная под шатром площадка для колоколов открывалась на четыре стороны сдвоенными арками и соединялась с нижним этажом, вероятнее всего как и сейчас, деревянной лестницей, которая заканчивалась на специальной площадке чуть выше уровня пола переходов. К этой площадке вела узкая лестница в толще северо-восточной стены.

Примечательно, что колокольня сразу была рассчитана на установку в ней часового механизма, так как в северозападном ее углу находится гиревой колодец<sup>11</sup>, доходивший до второго этажа, т.е. до уровня пола переходов. Несмотря на это, в начале XVIII в. часы были перенесены в специально выстроенный деревянный шатер ("шатер дере-

вянной рубленой в замок"), установленный над стыком переходов с папертью Благовещенской церкви; здесь часы находились до середины столетия, после чего были возвращены на колокольню<sup>12</sup>. Причины этих перестановок остаются неизвестными.

Существенным вопросом является характерстыковки стен колокольни и примыкающих к ним переходов ХУП в. П.П.Покрышкин и К.К.Романов считали, что колокольня с самого начала была связана с кладкой стен переходов<sup>13</sup>, а С.С.Подьяпольский, напротив, считает, что колокольня стояла отдельно<sup>14</sup>. Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, сразу следует отметить, что судить о характерестыковки колокольни и переходов по их современному состоянию никак нельзя, так как переходы, как мы скоро увидим, были в ХУШ в. не только расширены, но и повышенены, а затем еще раз надстроены уже при реставрации начала ХХ в. Поэтому нам остается вновь ограничиться лишь предположениями.

Стены колокольни по бокам обрамлены широкими лопатками, завершающимися на уровне второго этажа декоративными расширениями наподобие капителей. Очевидно, что эти детали декора рассчитаны на восприятие снаружи, однако на фасадах, расположенных по оси переходов, они в настоящее время оказались внутри их помещения. Из этого следует, что кровля первоначальных переходов, в случае их плотного примыкания к колокольне, т.е. конструкции, соответствующей современной, должна была проходить ниже капителей. Однако такой вариант не вяжется с широкими арками в фасадах колокольни, открывающимися в сторону переходов, чьи пяты соответствуют уровню капителей. Примыкая щипцом вплотную к стене колокольни, кровля переходов должна была бы закрывать арку полностью, однако соотношение ее параметров с расположением декоративных деталей позволяет утверждать, что любая конструкция такой кровли хотя бы частично перерезала капители и тем самым нарушила художественную целостность фасадов колокольни, да и сама декоративная система теряла бы всякий смысл. Совершенно очевидно, что принципстыковки колокольни и кровли первоначальных переходов отличался от современной.

Сообразуясь с приведенными наблюдениями, можно предложить следующую реконструкцию. Первоначальные переходы были значительно ниже современных, так что щипец их кровли вряд ли превышал уровень пят арок колокольни. При этом стены переходов могли вплотную подходить к колокольне, но арки оставались почти полностью открытыми. Вход на переходы осуществлялся из-под колокольни, откуда на обе стороны поднимались марши лестниц, но, вероятно, не на всю ширину пролетов, а, как и сейчас, лишь наполовину, так как обе части переходов соединялись площадкой, расположенной под колокольней -- эта деталь подчеркнута в одной из цитированных выше описей: "сквоз тое колокольни построены переходы каменные".

По всей видимости, первоначальные переходы еще до возведения колокольни шли не сплошной линией, а прерывались в центре, где находилась деревянная часовня, сруб которой должен был опираться не на стены переходов, а непосредственно на грунт или невысокий фундамент. Построенная на месте часовни колокольня, вероятно, повторила ее формы, в том числе и характерстыковки с переходами, которые в ходе данного строительства вряд ли претерпели существенные изменения. Таким образом, около 1690 г.<sup>15</sup> возведением колокольни завершилось формирование архитектурного ансамбля Ферапонтова монастыря.

До 60-х гг. XVII столетия описи не фиксируют никаких изменений по переходам и колокольне; мелкие ремонты, проводившиеся по другим постройкам монастыря, обходили эти здания, что в конечном результате сказалось на их сохранности. В 1766 г. шатер был обит осиновым лемехом<sup>16</sup>, но уже на будущий год опись монастыря отмечает ветхость колокольни<sup>17</sup>. В 1772 г. по всему монастырю, в том числе и по рассматриваемым строениям, проводится ремонт<sup>18</sup>, однако и он не мог решить проблем конструктивного укрепления зданий, которые постепенно разрушались. Если на протяжении XVII столетия по церквям проводились хотя бы незначительные чинки, то на поддержание колокольни и переходов у обедневшей обители не хватало средств, в результате чего к 1790 г., т.е. к тому моменту, когда был поставлен

вопрос о капитальном ремонте всего монастыря, эти постройки оказались в самом плачевном состоянии. Своды и стены переходов частично рухнули и по ним было опасно ходить, а колокольня треснула пополам и ее шатер покосился<sup>19</sup>. Поэтому неудивительно, что ремонт 1794—1798 гг. существенно затронул эти здания и здесь был произведен наибольший объем капитальных перестроек.

Названный ремонт, собственно, начался в 1794 г. с полной разборки переходов; в последующие годы был проведен большой объем работ, в результате которых переходы и колокольня приняли тот облик, в котором, по существу, они предстают перед нами сейчас. Так, переходы, оказавшиеся значительно выше и шире своих предшественников, отличались от них также более высокой конструктивной прочностью, которая обеспечивалась и хорошим качеством кладки, и дополнительными креплениями в виде металлических связей. Переходы можно считать наиболее добротной постройкой ремонта конца XVIII в. — в отличие от других переделок, которые в XIX столетии нуждались в постоянных поправках (например, паперть и апсида церкви преп. Мартиниана). Внутри переходы имели довольно низкий деревянный оштукатуренный потолок, который перекрывал на том же уровне также паперти собора и Благовещенской церкви. Едва превышая дверной проем собора, этот потолок сильно повредил портал и расположенные здесь фрески; вероятно, он же явился причиной уничтожения сводов паперти Благовещенской церкви. На колокольне были проведены лишь ремонтные работы без перестроек: выправлен шатер, в трех ярусах проведено укрепление железными связями, щели залиты цементом. С юго-запада к колокольне пристраивается крыльцо, до этого, очевидно, не существовавшее; по крайней мере, в описях оно не фигурирует. Крыльцо было увенчано росписью ("образ Коронование Божией Матери"), которая частично сохранилась до наших дней. Наконец, шатер и кровля переходов были покрыты тесом и выкрашены красками<sup>20</sup>.

Перемены в жизни Ферапонтова монастыря, последовавшие за его упразднением в 1798 г., естественно, сказались

и на характере последующих ремонтно-строительных работ; небогатый приход, не имея средств для ремонта всех зданий, обратил основную их часть на обновление церквей Благовещения и преподобного Мартиниана, где постоянно велись богослужения; что же касается других сооружений, и в частности переходов и колокольни, то они постепенно ветшали. XIX столетие оказалось для их истории периодом затишья, и лишь первая четверть века отмечена незначительными работами, восполнявшими недоделки и просчеты ремонта 1794—1798 гг., который, как мы знаем, остался частично незавершенным. Так, в 1806 г. на колокольне устанавливается новая глава и заменяется шатер<sup>21</sup>, в 1813 г. ремонтируются переходы<sup>22</sup>, в 1819 г. поправляется кровля над крыльцом и появляется образ "Коронование Богоматери"<sup>23</sup>; наконец, в 1821 г. проводится новый ремонт шатра<sup>24</sup>. После этого более половины столетия монастырские описи не отмечают никаких работ по данным постройкам<sup>25</sup>, и лишь накануне восстановления обители, в 1892 г., проводится незначительный ремонт шатра колокольни<sup>26</sup>.

Хронологически колокольня и переходы являются самыми поздними постройками Ферапонтова монастыря, и этим можно отчасти объяснить тот факт, что, несмотря на полное отсутствие серьезных ремонтов в XIX столетии, они к началу XX века оказались в относительно благополучном состоянии. Реставрационные исследования начала столетия показали, что у переходов немногие разрушения коснулись лишь фундаментов; что же касается колокольни, то здесь, помимо аналогичной ситуации с фундаментами, требовал более серьезного ремонта шатер, кровля которого сгнила и прогнулась внутрь, особенно с восточной стороны, а люкарны, кроме западной, полностью потеряли свой первоначальный вид и продолжали разрушаться. Кроме того, опасения вызывала отсутствие невысокой стенки (время ее разборки неизвестно<sup>27</sup>), которая находилась под колокольней и отделяла площадку, соединяющую обе половины переходов, от внутреннего помещения лестницы, ведущей наверх, из-за чего пять находящейся над ней арки оказались на весу<sup>28</sup>. Об относительном благополучии этих построек говорит также примерная смета, составленная П.П. Покрышкиным в 1904 г., где ремонт колокольни исчисляется

небольшой суммой в 5000 руб., а переходы вообще не упомянуты.<sup>29</sup>

Реставрация колокольни и переходов проводилась параллельно основным ремонтным работам, которые в первую очередь коснулись церквей и сушки, находившихся в аварийном состоянии. Все внимание исследователей и членов Археологической комиссии было привлечено именно к этим первостепенным памятникам, поэтому колокольня и переходы как бы оказались в тени и проект их реставрации был утвержден без всяких прений.<sup>30</sup> Уже в 1913 г. под переходы и колокольню, одновременно с собором и церковью преп. Мартиниана, были подведены фундаменты.<sup>31</sup> На будущий год основная часть работ коснулась переходов: здесь, как и на паперти собора, старые сгнившие полы были заменены новыми на бетонных балках, а также вычинены стены, удален потолок и перекрытия, чуть повышенены стены и выполнены новые стропила, на которых было установлено новое жестяное покрытие. Эти работы завершились в 1915 г. Тогда же началась реставрация колокольни, где была удалена сгнившая кровля шатра, вычищена его кладка, восстановлены люкарны, сделана новая кровля, возведена стенка под аркой на лестнице, а также перекрыто крыльцо.<sup>32</sup> По существу, реставрация колокольни и переходов к концу 1915 г. полностью завершилась.

В советский период колокольня и переходы не реставрировались; об этом свидетельствует полное отсутствие каких-либо упоминаний об этих зданиях в многочисленных документах о реставрации Ферапонтова монастыря, сохранившихся в архивах. Правда, некоторые переделки по колокольне все же были запланированы. Так, комиссию в составе П.И. Нерадовского, И.Э.Грабаря, Н.К.Жукова, Н.Б.Бакланова, Г.О.Чирикова, Н.А.Околовича, И.Рыльского и В.В.Данилова, посетившую Ферапонтово летом 1923 г., не удовлетворил внешний вид восстановленных под колокольней стенки и площадки между переходами, которые были сделаны на бетонной основе; эти детали предлагалось разобрать как искажающие древний облик здания.<sup>33</sup> Предполагалось сделать и новые лестницы в ярус звонов.<sup>34</sup> Но в связи с невероятными трудностями, которые испытывала реставрация Ферапонтова

монастыря в 20-е годы, эти работы так и не были выполнены.

**Примечания к главе VI:**

- 1 Бриллиантов И.И. Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона. К 500-летию со времени его основания. 1398—1898. СПб., 1899, с. 73—74.
- 2 Покрышкин П.П., Романов К.К. Древние здания в Ферапонтовом монастыре Новгородской губернии. — Известия имп. Археологической комиссии, вып. 28. (Вопросы реставрации, вып. 2). СПб., 1908, с. 151—152.
- 3 Подъяпольский С.С. Путеводитель по архитектурным памятникам Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей. Вологда, 1963, с. 59.
- 4 Бочаров Г.Н., Выголов В.П. Вологда. Кириллов. Ферапоново. Белозерск. М., 1979, с. 293—294.
- 5 ГАВО, ф. 883, № 40: Опись 1665 г., л. 49. Аналогичный текст приведен в описях 1673 (ОР КБИАХМЗ, № 91, л. 58 об. —59) и 1680 гг. (ГАВО, ф. 883, № 59, л. 68).
- 6 Покрышкин П.П., Романов К.К. Ук. соч., с. 137.
- 7 Это явствует из рапорта 1790 г. на имя преосвященного Гавриила С.-Петербургского и Новгородского. См.: Бриллиантов И.И. Ук. соч., с. 102—105.
- 8 ГАВО, ф. 883, № 78: Опись 1693 г., л. 76—76 об.
- 9 ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 450: Опись около 1715 г., л. 46.
- 10 Покрышкин П.П., Романов К.К. Ук. соч., с. 150.
- 11 Подобные конструкции известны во многих аналогичных сооружениях. См.: Кавельмахер В.В. Способы колокольного звона и древнерусские колокольни. — Колокола. История и современность. М., 1985, с. 65—69.
- 12 Впервые об этом сообщает опись, составленная около 1715 г. (ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 450, л. 46). Эта же информация повторена в описи 1747 г. (ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 1663, л. 81 об.). Две следующие описи — 1751 и 1763 гг. — умалчивают об этих данных, а в описи 1767 г. мы находим часы, возвращенные на колокольню (ОР ГБЛ, ф. 209, № 501, л. 2).

- 13 Покрышкин П.П., Романов К.К. Ук. соч., с. 151.
- 14 Подъяпольский С.С. Ук. соч., с. 59.
- 15 Колокольня возведена в период между 1680 и 1693 гг. -- т.е. в отрезок времени, ограниченный датой написания последней монастырской описи, где колокольня не упоминается, и первой описи, где колокольня зафиксирована. Однако приведенная в тексте выдержка из описи ("над переходом вновь колокольня новая каменная") позволяет предположить, что она была возведена буквально за несколько лет до написания этого документа. Таким образом, условно колокольню можно датировать около 1690 г.
- 16 ЦГАДА, ф. 280, оп. 6, № 2335: Приходо-расходная книга Ферапонтова монастыря, 1766 г., л. 40.
- 17 ОР ГБЛ, ф. 209, № 501: Опись 1767 г., л. 2.
- 18 ЦГАДА, ф. 280, оп. 8, № 68: Приходо-расходная книга Ферапонтова монастыря, 1772 г., л. 3.
- 19 Сведения о состоянии построек монастыря накануне ремонта частично взяты из книги И.И.Бриллиантова (Ук. соч., с. 102--105), которому были известны документы, до наших дней не сохранившиеся. См. также: ЦГИА, ф. 796, оп. 1, № 394: Доношение преосвященного Гавриила о переводе Ферапонтова монастыря в заштатный Савиновишерский монастырь, 1790 г., л. 1--2.
- 20 В ведомости 1798 г. (ГАВО, ф. II73, № 79, л. 2--2 об.) так описываются данные здания после ремонта: "Межу вышеписанными церквами линиею каменные вновь зделаны с железными связями переходы, в коих переходах шестнадцать больших окон, в них вставлены окончины новые покрашенные красками, и вверху пропущена сквозь тесовая новая подволока в дверной паз для убору штуком. Посреди тех переходов вверху положена каменная шатровая колокольня об одной главе, на которой как глава, шатер, так и кровли поновлены и поправлены красками. Внутри в какой колоколне больших и малых одиннадцать колоколов ... Вверху оных колоколов в шатре часы боевые на ходу с перечасьем немецкие железные. Показанная колокольня в трех местах связана железными связями крепко, а щели залиты цементом, и внизу подкреплены вновь построенным крыльцом, на котором крылце пред входом вверху

написан по алебастрю вновь большой образ Коронование Божией Матери на облацах с препадающими на коленях преподобными Ферапонтом и Мартинианом. И у того крыльца до колоколни подпущена подволока в дверной паз тесовая. И внизу под колоколней две лесницы в соборные Рождественскую и Благовещенскую церкви. И на оных переходах и на крыльце кровли покрыты новым тесом и покрашены красками".

21 ГАВО, ф. II73, № II4: Книга расходов Ферапонтовской церкви, 1806 г., л. 4 об.

22 ГАВО, ф. II73, № II7: Книга расходов..., 1809--1815 гг., л. 15.

23 ГАВО, ф. II47, оп. 2, № 410: Книга расходов..., 1816--1823 гг., л. 9 об.

24 Там же, л. 15.

25 П.П.Покрышкин и К.К.Романов высказали предположение, что переходы, недостроенные при ремонте 1794--1798 гг., были завершены лишь при перестройке церкви преп.Мартиниана в 1836--1838 гг. (Ук. соч., с. I48--I49). Свое мнение они основывали на сходстве в оформлении окон и стен переходов и паперти церкви, которая, как известно, была полностью перестроена и расширена в ходе указанного ремонта 30-х гг. Однако их мнение, во-первых, противоречит приведенному выше описанию переходов после ремонта 1794--1798 гг. (см. примеч. 20); во-вторых, оно не подкреплено никакими документами, что, при наличии сметы на ремонт церкви преп.Мартиниана и подробнейших расходных книг за этот период, сводит возможность достройки переходов в конце 30-х гг. на нет.

26 ОПИ КБИАХМЗ, № I94: Дела по Кирилловскому благочинию, 1892 г., л. 60.

27 Возможно, это произошло в 1854 г., на что есть весьма туманное указание расходных книг: "за пробивку хода на вышку четыре рубля..." (ГАВО, ф. II73, № II8: Расходная книга 1851--1875 гг., л. 16).

28 Покрышкин П.П., Романов К.К. Ук. соч., с. I48--I51. См. также: ЦГАДА, ф. I287, оп. 1, № 4258: Материалы С.Д. Шереметева по восстановлению Ферапонтова монастыря, 1907--1910 гг., л. I9 (описание состояния колокольни в "Памятной записке" игумении Таисии для предоставления императору

Николаю П.).

- 29 ЦГИА, ф. 799, оп. 25, № 1423: Дело о командировании архитектора-археолога П.Покрышкина в Ферапонтов монастырь..., 1904—1914 гг., л. 6 об.
- 30 Известия имп. Археологической комиссии, вып. 55. (Вопросы реставрации, вып. I4). Пг., 1914, с. 85—87.
- 31 Известия имп. Археологической комиссии, вып. 50. (Вопросы реставрации, вып. I2). СПб., 1913, с. 44. См. также: ЦГАДА, ф. I44I, оп. 3, № 2569: Отчет о состоянии Богородице-Рождественского Ферапонтова монастыря, 1913 г., л. I3 об.— I4.
- 32 Отчет о деятельности Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины за 1914—1915 года. Пг., 1916, с. 21—24.
- 33 ЦГАОРСС, ф. Р--I, № 62: Материалы по реставрации Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей, 1919—1932 гг., л. 2—2 об.
- 34 Там же, л. I7—I8.

## Глава УП

### Надвратная церковь и святые врата

Церковь Богоявления с приделом преп. Ферапонта, венчающая двумя шатрами главные монастырские врата, является самой поздней культовой постройкой Ферапонтова монастыря. Согласно опубликованным И.И.Бриллиантовым надписям на запрестольных крестах, ныне утраченных, храмовый престол был освящен 28 августа 1649 г., а придельный — 9 октября того же года<sup>1</sup>. Небольшое и маловместительное помещение надвратной церкви, вероятно, сразу мыслилось как место для совершения сугубо внутримонастырских треб и служб; ее второстепенное значение в литургической жизни монастыря подтверждается и тем, что во время ссылки в Ферапонтово патриарха Никона она была превращена в его домашнюю церковь. Но именно благодаря малозначительности возлагавшихся на нее функций надвратная церковь дошла до нас наименее искаженной

позднейшими пристройками и, кроме того, сохранила существенную часть своего первоначального убранства.

Двухшатровая композиция надвратной церкви весьма характерна для русской архитектуры 40-х гг. XVII в., когда в церковное зодчество стали активно проникать мотивы светской и народной деревянной архитектуры, с чем будет активно бороться севший на патриарший престол в 1652 г. Никон, который специальным указом запретил строительство шатровых церквей; но иронией судьбы именно шатровая Богоявленская церковь окажется последним домашним храмом бывшего патриарха.

Почти квадратное в плане помещение церкви, расположено на втором этаже здания, поделено с востока на запад подпружной аркой на два неравных объема, асимметрия которых соответствует различию в ширине арочных пролетов святых ворот. В настоящее время церковь имеет четырехскатную кровлю, на которой возвышаются два глухих восьмигранных шатра одинаковой высоты, покрытые тесом. С юга к церкви примыкает сильно перестроенное в 1915 г. двухэтажное крыльце, в нижнем ярусе имевшее крохотную келью; с севера расположена двухэтажная пристройка, которая вверху соединена с помещением церкви.

Типологические признаки позволяют поставить Богоявленскую церковь в один ряд с такими известными памятниками, как церковь Иоанно-Предтеченского монастыря в Вязьме или церковь Рождества Богородицы в Путинках, но несмотря на это Ферапонтовский храм никогда не становился предметом специального исследования. Единственным источником по строительной истории Богоявленской церкви остается исследование П.П.Покрышкина и К.К.Романова, проведенное ими в 1905 г. и требующее в настоящее время существенных уточнений. Согласно полученным ими данным, все элементы этого здания, т.е. собственно церковь, а также врата и две боковые пристройки возведены одновременно<sup>2</sup>. Однако анализ различных монастырских документов позволяет усомниться в правильности этих выводов.

Так, есть все основания предполагать, что надвратная церковь была надстроена над святыми вратами, которые су-

ществовали задолго до этого. Факт существования ворот до возведения Богоявленской церкви неоспорим, однако из-за отсутствия документов ранее середины XVII столетия, у нас нет прямых указаний, что врата были каменными. Тем не менее из логики застройки монастыря следует, что при наличии целой группы кирпичных хозяйственных построек вряд ли могли быть оставлены деревянные святые врата, которые в любом монастырском комплексе предназначены выполнять не только функциональную, но и важную символическую роль. Вероятнее всего, каменные врата были возведены тогда же, когда и основная часть хозяйственных корпусов (из которых до наших дней сохранилась лишь казенная палата), т.е. в 30—40-х гг. XVII в.

Этот вывод косвенно подтверждается некоторыми документами. В описи 1665 г. сказано: "Ворота святые каменные, да к ним приделано келья да сторожня каменные ж. Над вороты храм каменной ж о дву шатрех, а в нем два престола... Главы и кресты опояны белым железом, а церковь крыта чешую деревяною"<sup>3</sup>. Эта цитата, к которой мы еще вернемся, сейчас интересна указанием на то, что келья и сторожка "приделаны" к святым вратам, что несет в себе дополнительную информацию. Следует отметить, что для монастырских описей XVII в. характерны лапидарность и конкретность употребляемых терминов, за которыми стояло совершенно определенное содержание, очевидное для составителей этих документов; именно поэтому оно, в отрыве от других данных, часто остается неясным для современных читателей. И в данном случае слово "приделаны", возможно, переписанное из предыдущей описи (так оно будет фигурировать во всех последующих описях XVII в.<sup>4</sup>), вероятнее всего употреблено намеренно — для указания на то, что и келья и сторожка были пристроены к воротам позже, т.е. при возведении церкви в 1649 г., чему составитель описи мог быть свидетелем.

На то, что еще до возведения церкви врата существовали приблизительно в той форме, что и сейчас, и были каменными, указывает запись в одной из расходных книг монастыря, где за октябрь 1631 г. упоминается иконник Иван Вологжанин, получивший четыре гривны за написание "на меньших

на святых воротех на кружале" дейсуса<sup>5</sup>. Очевидно, это тот самый дейсус, который в составе других икон, украшавших оба пролета святых врат, упоминается в описи 1665 г.; примечательно, что здесь сообщается о ветхости многих икон, которые частично были поновлены, в том числе и дейсус<sup>6</sup>. Эти казалось бы малозначительные факты говорят прежде всего о том, что дейсус, написанный на "кружале", т.е. на доске со скругленным завершением, предназначался для расположения непосредственно под сводом, повторяя его форму. А из этого следует, что святые врата имели арочные пролеты, т.е. были кирпичными.

Если наша догадка верна и святые врата в начале XVII в. действительно были кирпичными, то возможность их перестройки в 1649 г. представляется весьма маловероятной. Необходимость их реконструкции могла возникнуть лишь при несоответствии их малых размеров параметрам строящегося храма, а это не отвечает более чем скромным размерам Богоявленской церкви. Скорее, наоборот, церковь, вписавшись в окружавшую ее застройку (казенная палата, утраченные ныне кельи и кладовые с сушилами), была возведена в пропорциональном соответствии с уже имевшимися вратами, и именно заданностью ее параметров и планировки объясняются ее маленькие размеры, заметная асимметрия двух ее объемов, а также то, что посетитель, входя внутрь, сначала попадает в придел преп. Ферапонта, а затем уже в помещение Богоявленской церкви, что противоречит принятой системе соподчинения церковных помещений.

Опись 1665 г. не дает исчерпывающей информации о внешнем облике Богоявленской церкви, и некоторые ее детали приходится реконструировать привлекая данные более поздних документов, вплоть до середины XIX столетия. Так, одним из вопросов является характер первоначального покрытия церкви. В приведенной выше цитате сказано, что "главы и кресты опояны белым железом, а церковь крыта чешуею деревянною"; из этого следует, что шатры не имели покрытия, а главы были обиты жестью. Однако употребление лемеха при покрытии кровли наводит на мысль, что она первоначально имела не четырехскатную, а криволинейную поверхность. Эта догадка подтверждается описью начала XVIII в., где ска-

зано: "на церквах главы и крест белое железо, кровля сделана круглая, обита чешуею"<sup>7</sup>. По всей видимости, кровля Богоявленской церкви первоначально соответствовала форме лоткового свода и имела скругленные очертания (аналогичное покрытие сохранила церковь Иоанно-Предтеченского монастыря в Вязьме<sup>8</sup>).

Боковые пристройки надвратной церкви также выглядели первоначально несколько иначе. Южная пристройка состояла из перекрытой цилиндрическим сводом крохотной кельи в первом этаже и паперти во втором, сход в которую вел через высокое деревянное крыльцо с рундуком, украшенным деревянным шатром. Паперть, судя по описи начала XVIII в., имела односкатное тесовое покрытие<sup>9</sup>. Крыльцо много раз перестраивалось и было окончательно уничтожено лишь в 1915 г. при реставрации надвратных церквей.

Что же касается северной пристройки, то она долгое время оставалась однэтажной. Что нынешняя высота пристройки не соответствует первоначальной, следует уже из того, что своей кровлей она на северном фасаде почти полностью закрывает орнаментальный фриз, опоясывающий церковь. Более того, ни одна из описей XVII—XVIII вв. не упоминает второго этажа данной постройки, тогда как первый фигурирует и в описи 1665 г. и во всех последующих документах, где сообщается, что по обе стороны святых врат расположены две кельи, в которых живет пономарь, пекущий просвиры<sup>10</sup>. Опись 1775 г., содержащая подробнейшее описание всех монастырских построек (включая досягаемые сведения даже о количестве дверей и окон, замков и оконниц), ни слова не сообщает о втором этаже северной пристройки, из чего яствует, что ее еще не существовало. Косвенно это подтверждается указанием на наличие в церкви восьми окон<sup>11</sup>, тогда как сейчас имеется два окна на восточном фасаде и четыре на западном. Естественно, два недостающих окна могли находиться только на северном фасаде (к южному примыкает крыльцо) и позже были заложены. Кроме того, с 1738 г. пристройка была надстроена деревянной настоятельской кельей и переоборудована в кухню при покоях настоятеля. В таком виде, с некоторыми изменениями, она просуществовала до разборки этих келий в 1842 г.; тогда же, очевидно,

она и была надстроена <sup>12</sup>. Впервые это зафиксировано описью 1846 г.: "Подле церкви Богоявления Господня прикладена вновь каменная четырехугольная комната с четырьмя оконками" <sup>13</sup>; судя по количеству окон, речь может идти только о втором этаже северной пристройки.

Первая и весьма незначительная перестройка надвратной церкви связывается со строительством в 1673—1674 гг. каменных келий для ссыльного патриарха Никона. В одном из многочисленных донесений царю о жизни Никона в ссылке говорится: "У Никона монахам построены келии многие, житей с двадцать пять; а из тех келий поделаны сходы и всходы... Да у него же сделаны переходы по монастырской стене, через сушильные палаты к церквам, что на святых воротах, на тридцати саженях, а по тем переходам поделаны окна большие же на монастырь и за монастырь" <sup>14</sup>. Очевидно, указанные переходы окаймляли церковь на уровне второго этажа с востока и примыкали к деревянному крыльцу; крепление переходов могло осуществляться посредством опирающихся на землю столбов, а также вмонтированных в стену брусьев — гнездо от такого бруса сохранилось на центральной лопатке восточного фасада церкви. Вероятно, эти переходы вскоре после отъезда Никона из Ферапонтова были разобраны; по крайней мере, ни в одной из монастырских описей о них не сказано ни слова.

До середины XVIII столетия по Богоявленской церкви не выявлено никаких работ, и лишь опись 1747 г. фиксирует первые изменения в ее внешнем облике — лемеховое покрытие заменяется на тес <sup>15</sup>; возможно, тогда же форма покрытия была переделана на четырехскатную. В 1766 г., одновременно с аналогичными работами по колокольне, шатры и главы надвратной церкви покрываются осиновым лемехом <sup>16</sup>. В 1772 г. церковь ремонтируется <sup>17</sup>, а в 1775 г. к святым вратам с наружной стороны пристраивается крыльцо. Эти изменения отмечены описью 1775 г., где сказано: "Две церкви каменные шатровые..., шатры и главы обиты чешуюю осиновою..., крыты сосновым тесом под гвоздье со скалами... Пред оными (святыми — В.С.) воротами с наличной же стороны крыльцо и лесница бревенчатые брусяные новые, покрыто на столбах резным тесом под гвоздье з горбылками. Вокруг того крыльца лавки тесовые, забрано балясами точеными,

раскрашенными красками. Оное крыльцо построено сего 775 года<sup>18</sup>. На будущий год проводится вынужденный ремонт глав и крестов церкви, которые были сорваны бурей<sup>19</sup>.

Капитальный ремонт 1794—1798 гг. не коснулся Богоявленской церкви, а работы первой половины XIX в. распространялись лишь на обновление деревянных частей здания, что свидетельствует о ее хорошей сохранности. Так, в 1804—1806 гг. проводится замена кровель шатров и их покраска<sup>20</sup>, а за 1815 г. отмечается замена глав, вызванная повреждениями, причиненными бурей<sup>21</sup>. В 1821 г. вновь ремонтируются шатры<sup>22</sup>, а в 1824 г. работы ведутся по крыльцу святых врат<sup>23</sup>; в 1826 г. церковь снаружи и изнутри белится и заменяется кровля паперти<sup>24</sup>, а в 1830 г. перестраивается церковное крыльцо<sup>25</sup>. В 1835 г. древние ветхие стеклянные оконницы заменяются на новые застекленные<sup>26</sup>; наконец, в этот же период возводится второй этаж северной пристройки, о чем говорилось выше, а кровля церкви заменяется на железную. Оба эти факта зафиксированы описью 1846 г.<sup>27</sup>

В начале 60-х гг. настоятель Ферапонтовского прихода священник Арсений Разумовский предпринял довольно существенное поновление ряда храмов, и в первую очередь Богоявленской церкви с приделом преп.Ферапонта. К этому времени надвратная церковь пришла в полное запустение, богослужения в ней практически не велись, а ее помещение использовалось для хранения обветшавшей церковной утвари, в том числе и икон<sup>28</sup>; поэтому в планы отца Арсения в основном входили задачи приспособления церкви под проведение в ней службы<sup>29</sup>, и подавляющая часть работ коснулась внутреннего убранства храма, о чём будет сказано ниже. Что же касается ремонта самого здания, то он вновь распространялся лишь на замену деревянных и железных кровель, шатров и глав, перестройку крылец церкви и святых врат, а также незначительную вычинку обветшавших участков стен и побелку храма<sup>30</sup>.

Последняя треть XIX столетия не внесла никаких изменений в состояние Богоявленской церкви. Известно, что в 1873<sup>31</sup> и 1881 г.<sup>32</sup> проводился ремонт и покраска шатров. Несмотря на то, что интерьер церкви был поновлен в 60-е гг., а стены украшены росписью, храм вновь пришел в запустение и к концу столетия богослужения в нем проводились лишь дважды в год.

на престольные праздники -- 6 января в день Богоявления и 27 мая в день поминовения преп. Ферапонта (по старому стилю). К моменту возобновления обители надвратная церковь, по свидетельству игумении Таисии, требовала срочного ремонта, "дабы не допустить полного разрушения, каковое постигло уже ее деревянные части" <sup>33</sup>.

Анализ ремонтных работ, проводившихся по Богоявленской церкви за период ее 250-летнего существования, т.е. за время от 1649 г. до начала XX в., показывает, что она, в отличие от остальных монастырских храмов, ни разу не подвергалась капитальным ремонтам или перестройкам, что свидетельствует о высоком качестве строительства. Ко времени восстановления монастыря и проведения в нем реставрационных работ ситуация с надвратной церковью не изменилась, и хотя в некоторых документах этого времени и говорилось, что проводить богослужения в ней невозможно, причиной этого было не аварийное состояние памятника, а его маловместительность и захламленность. Ни исследования П.П.Покрышкина и К.К.Романова 1905 г., ни последующие реставрационные документы не отмечают никаких серьезных разрушений этого здания, за исключением некоторой ветхости фундаментов и покрытий, и сметная сумма в 8000 руб., предназначавшаяся на реставрацию надвратной церкви <sup>34</sup>, объясняется не столько ремонтными работами, сколько запланированной перестройкой крыльца. О наиболее благополучном состоянии Богоявленской церкви свидетельствует и тот факт, что укрепление ее фундаментов -- а именно с этих работ началась в 1913 г. реставрация зданий монастыря -- было проведено в последнюю очередь, в сезон 1914 г. <sup>35</sup>.

Реставрационные работы коснулись Богоявленской церкви в основном в 1915 г. и в этот же сезон были полностью завершены. "У надвратных церквей сняты, позолочены на мордан и вновь поставлены кресты. На шатрах здесь снято старое тесовое покрытие, исправлена обветшавшая кладка и вновь покрыто в два слоя тесом с осмолкой первого ряда и с прокладкой толя. Опалубка, а частью и стропиловка главок сделана вновь по старой форме и главки покрыты белым железом по старому рисунку". Более капитальные работы коснулись северной пристройки, которая надстраивалась в середине XIX в. "В келиях к северу от надвратных церквей разобраны полы и потолки.

уложены железные балки, по ним сделан бетон, смазка и настлан вновь деревянный пол. Стены и потолки вновь подштукатурены и обелены известью" <sup>36</sup>.

Единственное затруднение при реставрации надвратной церкви вызвал вопрос с южной пристройкой и деревянным крыльцом. Эта часть здания оказалась наиболее искаженной временем — покрытие паперти вместо односкатного стало двускатным, а крыльце, неоднократно перестраивавшееся, причем каждый раз согласно новым вкусам, совершенно не соответствовало облику храма. Однако варианты реставрации этой части здания еще больше искажали его первоначальный облик. Два проекта реконструкции, предложенные А.Г.Вальтером на обсуждение Археологической комиссии в 1914 г., красноречиво свидетельствуют о недостаточной изученности самого памятника и неправильном представлении проектировщиков о хронологическом соотношении его отдельных элементов. Исходя из обязательной разборки существующего крыльца, А.Г.Вальтер предполагал, согласно первому варианту, выстроить к паперти второго этажа открытую каменную лестницу, покрытие паперти сделать односкатным, а стенку в первом этаже разобрать. Однако Археологическая комиссия справедливо сочла этот проект слишком произвольным и несоответствующим первоначальному облику памятника и предложила осуществить второй вариант <sup>37</sup>.

Второй вариант был осуществлен в 1915 г. После разборки деревянного крыльца на всю высоту пристройки была возведена стена, срублен свод кельи и в образовавшемся помещении была укреплена трехмаршевая бетонная лестница, ведущая на паперть. Покрытие последней осталось двускатным <sup>38</sup>. Как мы видим, подобная реконструкция, равно как и первый вариант, явилась полным вымыслом, так как в таком виде крыльце никогда не существовало. Этот участок оказался единственным серьезным промахом реставрации 1913—1915 гг., на что уже указывала комиссия, посетившая Ферапонтово летом 1923 г. и поставившая вопрос о переделке крыльца в соответствии с его первоначальным обликом <sup>39</sup>. Работы по перестройке были даже включены в план года <sup>40</sup>, однако за недостатком средств так и не были выполнены. По существу, реставрационные работы по надвратной церкви в советское время ограничились покраской крыши с незначительными вычинками кладки, растрескавшейся по

стыку второго этажа северной пристройки, осуществленными при завершении архитектурной реставрации монастыря в 1925 г.<sup>41</sup>

Богоявленская церковь представляет большой интерес и в том плане, что она сохранила все элементы убранства интерьера. Стены и своды церкви украшены живописью, выполненной в середине XIX в. местными художниками; с севера на юг храм пересекает резной иконостас XVII в., за которым сохранились расписные тябла XVII в.; иконы этого иконостаса, в основном восходящие к первоначальному составу 1649 г., сейчас хранятся в запаснике Кирилловского музея. Рассмотрев строительную историю памятника, мы можем теперь обратиться к анализу процесса формирования его интерьера, облик которого складывался на протяжении более чем двух столетий.

Долгое время единственным украшением Богоявленской церкви и преп. Ферапонта оставались два небольших двухъярусных тябловых иконостаса, вплоть до конца XVIII столетия не подвергавшихся никаким существенным переделкам. Перечень икон, приведенный в первой из сохранившихся монастырских описей 1665 г., несомненно, соответствует первоначальному составу иконостасов, которые были установлены в церкви не позднее конца 1649 г., т.е. времени освящения обоих престолов. "Во храму (Богоявления — В.С.) местной образ Богоявления Господа нашего Иисуса Христа. Образ Иоанна Богослова со учеником Прохором. Образ Пречистые Богородицы Одигитрия. Двери царские, на них писано Благовещение святые Богородицы и ивангелисты. И сень и столбы все на золоте. В тябле дейсус на одиннадцати цках на золоте ... В пределе местной образ Живоначальные Троицы... Настоящей образ преподобного чудотворца Ферапонта... Образ Пречистыя Богородицы Одигитрия... Двери царские, а на них писано Благовещение Богородицы и ивангелисты, и сень и столбы. В тябле дейсус на девяти цках, писано все на золоте"<sup>42</sup>. Таким образом, местные ряды имели по три иконы, между которых располагались царские врата. Деисусы храмового и придельного иконостасов насчитывали соответственно 11 и 9 икон. Все иконы были написаны на золотых фонах. Подробный состав деисусов стано-

вится известным из более поздней описи, составленной около 1715 г.: в главном иконостасе, помимо обязательных образов ("Вседержитель", "Богоматерь", "Предтеча", два "Архангела", "Петр и Павел"), имелись иконы Григория Богослова, Иоанна Златоуста, преп.Ферапонта и Мартиниана; в приделе — помимо того же обязательного набора, иконы Василия Великого и Николая Мирликийского<sup>43</sup>.

Первые изменения в интерьере церкви произошли на рубеже столетий и впервые зафиксированы уже упоминавшейся описью начала XVIII в. Между церковью и приделом появляется дощатая перегородка, царские врата обоих иконостасов отодвигаются к северу, так что между ними и северной гранью оказывается одна местная икона, а порядок местного ряда меняется (но состав остается прежним)<sup>44</sup>. К 1747 г. в обоих иконостасах появляются северные двери с изображениями апостола Филиппа (храм) и архиdiaакона Стефана (придел)<sup>45</sup>, однако уже к 1751 г. двери счезают, а все иконы оказываются прописанными красками<sup>46</sup>. В таком виде иконостасы просуществовали до конца XVIII в. и были подробно зафиксированы описью 1775 г., которая сообщает, что и царские врата, и все иконы обоих иконостасов оставались "старой работы", обветшали и были частично поновлены<sup>47</sup>.

Поновления икон надвратной церкви имели место и в последующие годы<sup>48</sup>, но вплоть до конца столетия иконостасы оставались тябловыми и были заменены лишь при ремонте 1794—1798 гг. Это явствует из сопоставления описей 1795 и 1798 гг.: в первой воспроизводится старый тябловый иконостас с сильно обветшавшими иконами<sup>49</sup>; во втором документе говорится о двух "новых столярной работы на тунбах" иконостасах, вызолоченных листовым золотом, в которых к полностью сохранившимся старым, но поновленным иконам прибавились три новых местных образа в храме ("Богоматерь Боголюбская", "Преп. Мартиниан" и "Богоматерь Казанская") и один в приделе (его название опись не указывает)<sup>50</sup>.

В XIX столетии продолжается процесс формирования интерьера надвратных церквей. Изменения, коснувшиеся иконостасов, были весьма незначительными. Так, в 1824 г. иконы были поновлены<sup>51</sup>, а венцы вызолочены, что отмечается всеми пос-

ледующими описями. Возможно, тогда же структура местных рядов была немного изменена, так как описание 1826 г. отмечает появление пономарских дверей<sup>53</sup>. В 1860 г. иконостасы имели следующий облик: резьба была вызолочена, тумбы посеребрены и раскрашены, фона выкрашены голубой краской; справа от резных золоченых врат располагались "Богоявление", "Иоанн Богослов", "Богоматерь Боголюбская", слева -- "Богоматерь Тихвинская", северные двери с изображением архиадиона Стефана и "Преп. Мартиниан"; на северной стене висел образ "Казанской Богоматери". В приделе направо от врат шли иконы "Троица" и "Преп. Ферапонт", а также "Богоматерь", находившаяся уже на южной стене, а налево -- "Казанская Богоматерь" и пономарские двери, на которых, согласно описи, вновь был изображен Стефан (в одном из случаев очевидна ошибка). Состав обоих дейсусов оставался прежним<sup>53</sup>.

В начале 60-х гг. в интерьере надвратной церкви проводится комплекс работ, направленных на обновление храмов и приспособление их к проведению достаточно регулярных богослужений. Уже в 1860 г. настоятель ферапонтовских церквей Арсений Разумовский писал: "Церкви Богоявления и преп. Ферапонта назначены к возобновлению, на что уже имеется епархиальное разрешение, именно: иконостасы перезолотить, иконы некоторые возобновить, а некоторые вновь написать, стены же как в церкви, так и в алтарях украсить живописью"<sup>54</sup>.

Все живописные работы были поручены белозерскому купцу Александру Акинину, который с начала 50-х гг. постоянно выполнял иконописные заказы по разным церквам Ферапонтова монастыря и к этому моменту уже поновил иконостас Благовещенской церкви и расписал церковь преп. Мартиниана. Уже в конце 1861 г. А.Акинин получил аванс на приобретение материалов, а с начала следующего года приступил к работам, которые продлились до сентября 1863 г. Судя по записям расходных книг, за указанный срок А.Акинин расписал надвратную церковь с приделом и полностью поновил оба иконостаса, записав все старые образы, а некоторые заменив на новые<sup>55</sup>. Уже в 1875 г. стенопись надвратной церкви поновлялась устюжским живописцем Николаем Сулимовым<sup>56</sup>, что свидетельствует о невысоком техническом уровне ее исполнения, однако

до наших дней она сохранилась гораздо лучше, чем принадлежащие кисти того же автора росписи церкви преп. Мартиниана. В ходе поновления надвратной церкви отец Арсений предполагал переосвятить престол храма во имя Иоанна Предтечи. Переосвящение не было осуществлено, т.к. кирилловское духовное правление не нашло для того "особого основания"<sup>57</sup>. Однако это намерение предопределило сюжеты росписей, расположенных в объеме храма, которые посвящены житию Иоанна Предтечи ("Рождество Иоанна Предтечи", "Собор Предтечи", "Богоявление", "Усекновение главы"). В приделе помещено несколько сцен, иллюстрирующих житие преп. Ферапонта.

Все иконы надвратных церквей, поновленные или написанные заново в 1861—1863 гг., сохранились до нашего времени и сейчас находятся в фондах Кирилловского музея<sup>58</sup>. При поновлении большинство старых икон сильно пострадало: разрушенные участки грунта полностью заменялись новым левкасом, иконы писались заново, причем иногда с изменением сюжета. О плохой сохранности авторской живописи свидетельствуют и четыре иконы, отреставрированные в последние годы в Москве<sup>59</sup>. Однако использование в иконостасах старых икон, хотя бы даже в качестве основы под новую живопись, дает повод предполагать наличие под записью XIX в. древней живописи, в массе своей имеющей твердую дату — 1649 г., т.е. времени строительства и освящения надвратных церквей.

Особенно сильно пострадали оба деисуса. Хотя сохранились все 20 икон ХУП в., содержание их было сильно изменено и прежние сюжеты остались только на центральных иконах чинов (в обоих деисусах — "Спас в силах", "Богоматерь" и "Предтеча", два "Архангела"; в одном из деисусов — "Петр и Павел"), тогда как на остальных были написаны фигуры апостолов. В местном ряду к иконам первоначального состава относятся "Богоявление", "Троица", "Преп. Ферапонт" (раскрыт), а также, очевидно, две иконы Богоматери — "Тихвинская", фигурировавшая в описях ХУП в. как "Одигитрия", и "Казанская", переписанная из другой "Одигитрии". К этой же группе примыкает недавно раскрыта из-под записи икона "Иоанн Богослов с Прохором"; на ней при поновлении 1861—1863 гг. было написано "Рождество Иоанна Предтечи",

которое должно было стать при переосвящении престола храмовым образом.

Другая группа икон создана в XVIII в. К ним могут относиться прежде всего обе пономарские двери, впервые упоминающиеся в описи 1747 г., а также "Одигитрия" (раскрыта), "Преп. Мартиниан" и "Богоматерь Боголюбская", появившиеся после установки новой иконостасной рамы в 1795—1798 гг. Таким образом, при поновлении 60-х гг. была заменена лишь одна икона — на месте "Казанской Богоматери" из приделного иконостаса устанавливается "Богоматерь Всех скорбящих радость", написанная, очевидно, А.Акининым. Что же касается находящихся под записью икон XVII—XVIII вв., о состоянии и сохранности их авторской живописи могут дать представление лишь будущие исследования.

Еще до возведения надвратных церквей арочные проемы святых врат были украшены целым комплексом икон, иконографический состав которых, восходящий, возможно, еще к XVI в., представляет для исследователей несомненный интерес. Опись 1665 г. приводит следующий перечень изображений, находившихся во вратах: "Над святыми вороты Спасов образ Нерукотворенный, да Рождество святые Богородицы, да Благовещение святые Богородицы и Успение, писан на красках, ветх. Да над меньшими вороты деисус на одной цке, вновь писан, на вонре. А над деисусом Отчество. Под деисусом Герасим иже над Иордани да Давыд иже в Селуне"<sup>60</sup>. О времени создания большинства этих икон у нас нет твердых данных, однако в расходных книгах 1630—1631 гг. есть уже упоминавшиеся в начале этой главы записи об иконнике Иване Вологжанине, который в это время исполнил для монастыря довольно много икон, в том числе и для "менших святых ворот", куда он, в частности, написал деисус на кружале<sup>61</sup>. Несмотря на такое определенное указание, вряд ли можно считать, что святые врата были впервые украшены иконами именно в это время; скорее, здесь идет речь о замене новыми иконами старых образов, которые, находясь круглый год на открытом воздухе, должны были быстро ветшать. Это, в частности, подтверждается приведенной цитатой из описи 1665 г., указывающей на

ветхость икон больших врат и недавнее поновление упомянутого десиса.

В описи 1673 г. фиксируется увеличение количества икон в больших вратах: "Посторонь праздниц (трех вышеупомянутых богородичных сцен — В.С.) писаны чудотворцы Мартиниан и Ферапонт в молении. По углам притча о исходе души праведного да грешного, все писано на одной цке"<sup>62</sup>. Опись 1715 г. уточняет местоположение "Спаса Нерукотворного", располагавшегося на другой щеке арки напротив богородичных икон. Опись сообщает также, что все иконы врат находились в это время в поновлении<sup>63</sup>. К 1725 г. напротив икон малых врат появляется "Одигитрия"<sup>64</sup>. В последующие века не отмечается никаких перемен по иконам святых врат, и лишь опись 1775 г. сообщает об их поновлении в 1773 г.<sup>65</sup>. Документы XIX в. дают суммарное описание рассматриваемых икон, а опись 1846 г., в последний раз фиксирующая эти иконы, сообщает об их ветхости<sup>66</sup>. В 1859 г. врата были украшены стено-писью<sup>67</sup>, и иконы безвозвратно утратились; сохранился лишь упоминавшийся ранее десис на кружале, который находится в настоящее время на втором этаже северной пристройки надвратной церкви. Эта монументальная икона сильно руинирована, причем до сих пор неизвестно, сохранилась ли под многослойной записью XVIII—XIX вв. первоначальная живопись 1631 г.

Созданные в 1859 г. по инициативе настоятеля Арсения Разумовского росписи святых врат подробнейше описаны в принадлежащем его перу "Историко-статистическом описании Ферапонтова монастыря"<sup>68</sup>. Особое внимание в этих росписях было отведено русским святым и престольным праздникам Ферапонтовских храмов. В расходных книгах этого времени не обнаружено никаких данных об их авторе, однако, вероятнее всего, они созданы все тем же А.Акининым, который в 50—60 гг. выполнял практически все живописные работы в Ферапонтовом монастыре. В настоящее время росписи святых врат почти полностью утрачены.

#### Примечания к главе УП:

I И.И.Бриллиантов приводит полностью лишь надпись на кресте главного престола: "Освятился олтарь сей Господа

Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и водружен бысть крест сей в церкви Богоявления Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа лета 7157 месяца августа в 28 день при благоверном царе и великом князе Алексее Михайловиче всея России и при патриархе Иосифе Московском и всея России и при митрополите Варлааме ростовском и ярославском" (Бриллиантов И.И. Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона. К 500-летию со времени его основания. 1398—1898. СПб., 1899, с.77—78). Текст придельного креста буквально повторяет предыдущую надпись за исключением даты ("лета 7158 октября в 9 день"); кроме того, в нем отсутствует имя патриарха Иосифа (упущение переписчика?), но назван игумен Варлаам. Оба текста полностью приведены в "Историко-статистическом описании Ферапонтова монастыря", составленном священником Арсением Разумовским в 1860 г. (ОПИ НГОМЗ, № 10601, л.39).

2 Покрышкин П.П., Романов К.К. Древние здания в Ферапонтовом монастыре Новгородской губернии. — Известия имп. Археологической комиссии, вып. 28. (Вопросы реставрации, вып. 2). СПб., 1908, с. 153—154.

3 ГАВО, ф. 883, № 40: Опись 1665 г., л. 19 об.—20.

4 См., например, описи 1673 (ОР КБИАХМЗ, № 91, л. 24) и 1693 гг. (ГАВО, ф.883, № 78, л. 29—29 об.).

5 ОР ГПБ, ф. СПбДА, А II 336/2: Приходо-расходная книга Ферапонтова монастыря с ноября 1630 по ноябрь 1631 гг., л. 22 об., 33 об., 38 об. ("...дано Ивану иконнику от меньших от святых ворот...", "...дано Ивану иконнику четыре гривны, а он за те деньги писал на меньших на святых воротах на кружале дейсус...").

6 ГАВО, ф. 883, № 40: Опись 1665 г., л. 21 об.—22.

7 ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 450: Опись Ферапонтова монастыря, около 1715 г., л. 42 об.

8 История русского искусства, т. IV. М., изд. АН СССР, 1959, илл. на с. 139.

9 "Над святыми воротами церковь Богоявления..., вход рундук рубленый, с рундуком лесница на тетивах, крыльце и рундук забраны тесом в брусье, над рундуком шатер крыт

тесом... С крыльца вход в паперть. Паперть в одну сторону забрана тесом в брусье" (ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 450, л. 42 об.).

I0 Помимо уже указанных описей ХУП в., те же сведения приводятся в описях около 1726 г. (ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 10, л. 75), 1747 г. (ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 1663, л. 132), 1763 г. (ЦГАДА, ф. 280, оп. 3, № 746, л. 2).

II ОР ГПБ, F IV 753: Опись 1775 г., л. 3 об.

I2 Подробные обстоятельства этого строительства изложены в главе, посвященной административно-хозяйственным постройкам.

I3 ГАВО, ф. II47, оп. 2, № II77: Опись 1846 г., л. 10 об.

I4 Текст этого донесения, подписанного И.И.Ододуровым за 18 апреля 1676 г., приведен в книге: Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897, с. 349—350.

I5 ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 1663, л. 79 об.

I6 ЦГАДА, ф. 280, оп. 6, № 2335: Приходо-расходная книга Ферапонтова монастыря, 1766 г., л.40.

I7 ЦГАДА, ф. 280, оп. 8, № 68: Приходо-расходная книга Ферапонтова монастыря, 1772 г., л. 3.

I8 ОР ГПБ, F IV 753, л. 3—3 об.

I9 ЦГАДА, ф. 280, оп. I2, № 302: Приходо-расходная книга Ферапонтова монастыря, 1776 г., л. 4, 6.

20 ГАВО, ф. II73, № II2: Книга записи расходов Ферапонтовской церкви, 1804 г., л. 4; там же, № II4: Книга записи расходов..., 1806 г., л. 4 об.

21 ГАВО, ф. II73, № II7: Книга записи расходов..., 1809—1815 гг., л. 23.

22 ГАВО, ф. II47, оп. 2, № 410: Книга записи расходов..., 1816—1823 гг., л. 16.

23 ГАВО, ф. II47, оп. 2, № 473: Книга записи расходов..., 1823—1835 гг., л. 5 об.

24 Там же, л. I2.

25 Там же, л. 24 об.

26 ОПИ НГОМЗ, № I060I, л. 2I об.

27 ГАВО, ф. II47, оп. 2, № II77, л. 9 об., 10 об.

28 Об этом мы, в частности, узнаем из "Дела об освидетельствовании чудотворной иконы в Ферапонтовом монастыре" 1861 г. (ЦГАДА, ф. I44I, оп. 3, № 1869, л. 4).

- 29 Об этом отец Арсений неоднократно сообщал в вышестоящие инстанции. См.: ОПИ КБИАХМЗ, № 157: Дела по благочинию, 1862 г., л. 52; там же, № 333: Ведомости церкви Рождества Богородицы упраздненного Ферапонтова монастыря, 1848—1919 гг., л. 22, 28; там же, № 159: Дела по благочинию, 1864 г., л. 60.
- 30 ГАВО, ф. II73, № II8: Книга записи расходов..., 1851—1875 гг., л. 37 об.—46 об.
- 31 Там же, л. 69.
- 32 ГАВО, ф. II73, № I20: Книга записи расходов..., 1880—1882 гг., л. 7 об.
- 33 Таисия, игум. Сказание о древнем Ферапонтове Богородице-Рождественском монастыре. Бывшем в упразднении более ста лет, ныне снова восстановленном. Кириллов, 1909, с. 10—II.
- 34 ЦГАДА, ф. 799, оп. 25, № I423: Дело о командировании П.П.Покрышкина в Ферапонтов монастырь, 1904—1914 гг., л. 6 об.
- 35 Отчет о деятельности Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины за 1914 и 1915 гг. Пг., 1916, с. 21.
- 36 Там же, с. 24.
- 37 Известия имп. Археологической комиссии, вып. 55. (Вопросы реставрации, вып. I4). Пг., 1914, с. 86—87.
- 38 Отчет о деятельности общества защиты..., с. 42. Этот проект окончательно был утвержден лишь в 1915 г. См.: Известия имп. Археологической комиссии, вып. 59. (Вопросы реставрации, вып. I6). Пг., 1915, с. 60—62.
- 39 ЦГАОРСС, ф. Р—I, № 62: Материалы по реставрации Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей, 1919—1932 гг., л. 2—2 об.
- 40 ЦГАОРСС, ф. Р—I, № 75: Сметы и переписка по Ленинградскому реставрационному отделению, 1922—1927 гг., л. 10—10 об.
- 41 ЦГАОРСС, ф. Р—I, № 62, л. 13 об., 18.
- 42 ГАВО, ф. 883, № 40: Опись 1665 г., л. 20—21.
- 43 ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 450: Опись около 1715 г., л. 43—44 об.
- 44 Там же.

- 45 ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 1663: Опись 1747 г., л. 79 об.—81.
- 46 ОР ГПБ, Ф ИУ 752: Опись Ферапонтова монастыря, 1751 г., л. 24 об.—25 об.
- 47 ОР ГПБ, Ф ИУ 753: Опись 1775 г., л. 31 об.—32.
- 48 Предположительно иконы поновлялись в 1805 г. См.: ГАВО, ф. II73, № II3: Книга записи расходов..., л. 5 об.
- 49 ЦГАДА, ф. I44I, оп. 3, № 800: Опись Ферапонтова монастыря, 1795 г., л. 8 об.
- 50 ГАВО, ф. II73, № 79: Ведомость Ферапонтова монастыря, 1798 г., л. 10—10 об.
- 51 ГАВО, ф. II47, оп. 2, № 473: Книга записи расходов..., 1823—1835 гг., л. 7. Документ сообщает, что "кирилловский мещанин" Иван Каменский, уже упоминавшийся в связи с поновлением соборного иконостаса в 1833 г., "за поправку и поновление иконостаса в церквях Богоявления Господня и преподобного Ферапонта", а также другие живописные работы, получил 55 рублей.
- 52 ГАВО, ф. II73, № 80: Опись Ферапонтова монастыря, 1826 г., л. 7—7 об.
- 53 ОПИ НГОМЗ, № I060I: Опись 1860 г., л. 21 об.—25 об.
- 54 Там же, л. 25 об.
- 55 ГАВО, ф. II73, № II8, л. 36 об.—42. За срок с декабря 1861 по август 1863 г. А.Аникин получил 527 руб. Правда, сюда вошел гонорар за поновление Никольского придела, где, впрочем, объем работ был незначительным.
- 56 Там же, л. 75. Эту работу Н.Сулинов выполнял одновременно с поправкой стенописи церкви преп. Мартиниана.
- 57 ОПИ КБИАХМЗ, № I59, л. 77.
- 58 К храмовому иконостасу относятся следующие иконы: десис — "Спас в силах" (инв. 712), "Богоматерь" (инв. 711), "Предтеча" (инв. 713), "Архангел Михаил" (инв. 710), "Архангел Гавриил" (инв. 714), "Симон Зилот" (инв. 706), "Матфей" (инв. 707), "Лука" (инв. 708), "Андрей Первозванный" (инв. 709), "Марк" (инв. 715), "Иоанн Богослов" (инв. 716); местный ряд (слева направо) — "Богоматерь Казанская" (инв. 728), "Преп. Мартиниан" (инв. 727), "Архидиакон Лаврентий" (дверь, инв. 732), "Богоматерь Тихвинская" (заре-

гистрирована как Владимирская, так как при поновлении она получила это новое наименование, сохранив старую иконографию, инв. 726), створки и сень царских врат (инв. 738), "Богоявление" (инв. 729), "Рождество Иоанна Предтечи" (инв. 730), "Богоматерь Боголюбская" (инв. 731). К иконостасу придела относятся следующие иконы: десус — "Спас в силах" (инв. 720), "Богоматерь" (инв. 719), "Предтеча" (инв. 721), "Архангел Михаил" (инв. 718), "Архангел Гавриил" (инв. 722), "Петр" (инв. 717), "Павел" (инв. 723), "Варфоломей" (инв. 724), "Филипп" (инв. 725); местный ряд (слева направо) — "Архидиакон Стефан" (дверь, инв. 739), "Богоматерь Всех Скорбящих Радость" (инв. 733), створки и сень царских врат (инв. 737), "Троица" (инв. 734), "Преп. Ферапонт" (инв. 735), "Одигитрия" (инв. 736).

59 Две иконы — "Преп. Ферапонт" (инв. 735) и "Богоматерь Одигитрия" (инв. 736) — раскрыты в ВХНРЦ в 1978—1981 гг. (реставратор Л.Б.Максимова). "Спас в силах" (инв. 720) и "Рождество Иоанна Предтечи" (инв. 730) находятся в реставрации в ВХНРЦ. Вторая икона оказалась переписанным в 1861—1863 гг. образом "Иоанн Богослов с Прохором".

60 ГАВО, ф. 883, № 40: Опись 1665 г., л. 21 об.—22.

61 См. примеч. 5.

62 ОР КБИАХМЗ, № 91: Опись 1673 г., л. 26 об.

63 ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 450: Опись около 1715 г., л. 100.

64 ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 10: Опись около 1725 г., л. 75.

65 ОР ГПБ, F IУ 753: Опись 1775 г., л. 3 об.

66 ГАВО, ф. II47, оп. 2, № II77: Опись 1846 г., л. 10 об.

67 ОПИ НГОМЗ, № I0601: Опись 1860 г., л. 6 об.

68 Там же, л. 6 об.—7 об.: "...места не занятые св. изображениями, окрашены масляною голубою краскою, карнизы белого цвета с красною каймою, простенки по краям между пролетами подведенены под желтый мрамор. Снаружи на боках правого пролета изображены с правой стороны преподобные Ферапонт и Мартиниан, с левой препод. Кирилл Белозерский и соименный ему Кирилл Новозерский, а на простенках в небольших пятиугольных клеймах в середине изображение Спасителя, с правой стороны препод. Нил Сорский, с левой св. Зо-

сима Ворбозомский. При входе в правый пролет в первой арке изображены два Ангела в рост в молитвенном положении, и в середине на своде Всевидящее Око, по стенам с правой стороны Крещение Спасителя и с левой Рождество Христово, над которыми на своде изображен Дух Святый в виде голубя с З с каждой стороны огненными Серафимами, а над 2-ю аркою Спаситель на престоле сидящий с предстоящими Ему Божией Матерью, позади которой Архангел Михаил, с Иоанном Крестителем, имеющим сзади Архангела Гавриила. Внутри за воротами ... в четырехугольном клейме изображен на арке св.Сергий Радонежский, на стенах с правой стороны в большой рост святитель Арсений еп. Тверской, по бокам его препод. Зосима и Савватий Соловецкие; с левой св. Прокопий Исповедник, Николай Чудотворец и Антоний Римлянин, над ними же на своде благословляющий Спаситель. В левом пролете на первой арке Ангелы такие же, как и на правом, на стенах изображены с правой стороны Благовещение Богородицы, с левой Рождество Богородицы, а над ними на своде Коронование Божией Матери; над второю же аркой Нерукотворенный Образ, держимый двумя Ангелами; за воротами сверху арки в крестообразном небольшом клейме изображение Знамения Божией Матери, на своде Господь Саваоф, а по стенам: на правой святитель Митрофан, а по бокам св. Филипп Ирапский и Даниил Шужгорский, а на левой Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст. Со стороны внутренней в середине и по сторонам пролетов, в небольших клеймах изображены св. Никита Исповедник и св. Сергий Шужгорский, остальное все выбелено".

### Глава УШ

#### Хозяйственные и административные постройки

Последняя глава данной работы посвящена комплексу монастырских зданий, большинство которых уже давно прекратило свое существование и сейчас является лишь археологическими памятниками; сохранилась лишь двухэтажная часть казенной палаты, по недоразумению долгое время фигурировавшая в

литературе как "большое сушило"<sup>1</sup>. Сразу следует оговориться, что изучение истории хозяйственных и административных построек Ферапонтова монастыря встречает на своем пути значительно больше затруднений, чем аналогичные исследования по культовым зданиям, и это объясняется рядом закономерных причин. Прежде всего, основные документальные источники, т.е. монастырские описи XVII--XIX вв., пусть даже самые подробные, крайне редко дают описание этих зданий, ограничиваясь суммарной информацией, а весьма туманные топографические указания затрудняют определение местонахождения этих ныне утраченных построек. В отличие от храмов обветшавшие служебные здания часто не ремонтировались, а разбирались и выстраивались заново, нередко при этом меняя свое местоположение, но сохраняя старое название, что осложняет задачу их идентификации. Более того, известны случаи, когда, в основном в XIX в., обветшавшие постройки полностью разбирались на кирпич, который шел на совершенно другое строительство, а нередко и продавался, однако эти действия не находили отражения в документах. Наконец, сложность исследования усугубляется и отсутствием комплексного археологического изучения Ферапонтова монастыря, которое локально проводилось в последние годы лишь на выборочных небольших участках. И все же сохранившиеся документы позволяют в общих чертах обрисовать историю формирования комплекса служебных построек монастыря и их судьбу.

Жития Ферапонта и Мартиниана сообщают, что уже при их игуменстве в монастыре возводится множество деревянных построек, в том числе "кельи двоекровны и трикровны", звонница и трапезная палата, своим устройством вызывавшая похвалы со стороны братии обители<sup>2</sup>. Естественно, от этих построек к нашему времени не осталось и следов, так как они много раз перестраивались и гибли от пожаров, в частности от нанесшего большой урон пожара 1488 г.<sup>3</sup>, но, видимо, именно на протяжении XVI в. сформировалась основная планировка еще деревянного монастыря, который впоследствии был возведен в кирпиче.

Возникновение большинства кирпичных построек административно-хозяйственного назначения справедливо связывается

некоторыми исследователями с первой половиной XVI в., когда в монастыре развертывается активное каменное строительство<sup>4</sup> (об этом уже говорилось в предыдущих главах данной работы). Именно тогда в основном формируется облик обители с двумя храмами в центре, несколькими каменными постройками в юго-западном углу, сгруппировавшимися вокруг святых ворот, и прямоугольной деревянной оградой, охватывающей довольно большую территорию. Лишь в середине и второй половине XVII в. монастырь изменяет свой облик, получив вертикальные доминанты в виде шатров церквей преподобного Мартиниана и Богоявления, а также колокольни. Но это строительство практически не коснулось интересующих нас сооружений, поэтому об их расположении и состоянии мы можем судить по монастырским описям XVII в.

Первая из сохранившихся описей, составленная 5 июля 1665 г., слишком поверхностно описывает служебные постройки, просто перечисляя их в соответствующих частях текста. Так, она называет "три погреба с сушилами каменные", "казенную каменную палату" и "деревянного строения четырнадцать келий с теплыми сенями и с засеньем и со всем строением"; упоминается также "естественная каменная полата поварня" и несколько деревянных построек, вынесенных за пределы монастыря (квасная поварня, шваленная изба, конюшенный и скотный дворы, хлебные анбары, мельницы и пр.)<sup>5</sup>. В описи 1673 г. приводится буквально та же информация, правда, в чуть измененных формулировках (см.примеч. I), и лишь количество деревянных келий возрастает до 21<sup>6</sup>, а к 1680 г. их становится 22<sup>7</sup>. Наконец, в описи 1693 г. названы те же каменные здания и 20 келий, а также "белая гостиная"<sup>8</sup>.

Казалось бы, документы XVII в. дают почти идентичную информацию, однако, сравнивая ее с описями следующего столетия, мы убеждаемся, что в первом случае многие данные оказались случайно или умышленно опущенными. Уже две описи первой четверти XVIII столетия, дошедшие до нас, к сожалению, в разрозненном виде, уточняют некоторые детали. Так, казенная палата оказывается "о трех житьях", причем вход в нее, судя по описанию, осуществлялся из-под деревянного навеса на столбах, располагавшегося у северного фасада сохранив-

шейся доныне двухэтажной части палаты, а второе и третье звенья шли на восток, были одноэтажными и имели соответственно сводчатое перекрытие и плоский накатный потолок, причем уже в начале XVI в. они отличались чрезвычайной ветхостью. Уточняется и местонахождение поваренной палаты, которая находилась в северо-западном углу монастыря перед въездными "водяными" воротами, и располагавшейся, очевидно, здесь же деревянной "белой гостиной", которая в обеих описях упоминается сразу же после поварни. Монастырь был окружен сильно обветшавшей деревянной оградой<sup>9</sup>.

Лишь в описи 1747 г. впервые упоминается одно небольшое каменное, очевидно, двухэтажное здание, о котором все предыдущие описи упорно умалчивают. Названный документ сообщает, что рядом с погребами расположена "палатка каменная ж., в ней писаны лица святых стенным письмом"<sup>10</sup>. Следующая опись дополняет: "...погреба, над однем палата, в которой жительство имел святейший Никон патриарх, а над другим сушило"<sup>11</sup>. Наконец, опись 1775 г. объединяет эти два сообщения: "По левую сторону святых врат большие каменные палаты, в которых жительство имел святейший Никон патриарх Московский и всяя России, в ней стеннное писание пустынных жителей"<sup>12</sup>. Несомненная связь этого здания с пребыванием в Ферапонтове патриарха Никона свидетельствует о его достаточно древнем происхождении (к истории этой постройки мы еще обратимся) и, возможно, объясняет факт умышленного умолчания в официальных документах о никоновских палатах, что, однако, не изгладило памяти об их создателе среди монастырской братии.

Сообразуясь с приведенными данными, можно в целом воссоздать облик каменных монастырских построек административно-хозяйственного назначения, возникших в первой половине XVI в., и их примерное развитие в последующее столетие. Эти постройки группировались в юго-западном углу монастыря, распространяясь оттуда линией в двух направлениях — на восток и север с небольшим отклонением к западу. Композиционный центр этой группы сохранился — это святые врата и расположенная к югу двухэтажная часть казенной палаты. Два ее одноэтажных звена, рассмотренных нами выше, в настоящее

время почти полностью утрачены -- от них остались лишь заплыши землей фундаменты да часть южной стенки, включенная сейчас в кирпичную ограду, построенную вокруг монастыря в середине XIX в. Пространство между вратами и казенной палатой, где сейчас находится южная пристройка надвратной церкви, очевидно, уже в XVI в. было занято какой-то постройкой, однако никаких сведений о ней мы не имеем.

К северу от святых врат шли каменные погреба с сушилами, западные фасады которых сливались в линию с монастырской оградой. Описи ХУП в. фиксируют три сушила, из которых одно названо "большим". Из каменных построек следует назвать еще поваренную палату, находившуюся в северо-западном углу монастыря на линии между утраченной келарской кельей (пристроенной к трапезной палате) и угловыми монастырскими так называемыми "водяными" вратами. Такое расположение поварни в функциональном отношении очень продуманно, так как рядом с ней находился родник (ныне колодец) и северная пристройка трапезной, или "келарня", служившая вплоть до упразднения монастыря в конце ХУШ в. братской столовой палатой<sup>13</sup>.

В отношении деревянных построек у нас нет твердых данных, однако можно предполагать, что основная масса келий была сосредоточена рядом с каменными погребами -- как мы увидим, именно здесь происходит в ХУП--ХУШ столетиях основное келейное строительство. Кельи могли также возводиться и в южной части монастыря, продолжая линию казенной палаты. Существенной постройкой являлась деревянная ограда монастыря -- значительно обновленная, если не перестроенная после пожара 1666 г. Она представляла собой двойную деревянную стену, крытую на два ската тесом и имевшую по углам три шестигранные шатровые башни. На четвертом, северо-западном углу находились съездные "водяные" ворота; еще одни выездные ворота находились за собором в восточной стене. Вероятно, при перестройках стены возводились по старым фундаментам, поэтому очертания и формы деревянной ограды, существовавшей еще в 30-х гг. XIX в., вполне могли соответствовать постройке по крайней мере начала ХУП в. Примечательно, что южная стена ограды первоначально была отодвинута несколько дальше, чем сейчас, так что двухэтажное здание казенной

палаты открывалось вне монастыря лишь западным фасадом, о чем свидетельствует характерная "крепостная" форма окон, тогда как северный и южный фасады оказывались внутри ограды, что опять-таки подтверждается более открытой формой окон<sup>14</sup>.

На протяжении XVI столетия деревянные здания монастыря много раз перестраивались, так как они быстро ветшали, да и приспособить их к постоянно изменявшимся нуждам обители было легче. Что касается каменных строений, то вряд ли на них распространялись какие-либо существенные работы. В XУП столетии характер строительных работ по хозяйственно-административным постройкам в целом остается прежним, но о некоторых моментах их строительной истории мы можем составить более определенное представление.

Литовское разорение, судя по сохранившимся свидетельствам, не нанесло заметного материального ущерба монастырю, и даже деревянные постройки остались в целости<sup>15</sup>. Известно, что в 1631 г. частично перестраиваются братские кельи<sup>16</sup>; надо полагать, что и активное каменное строительство 40-х гг. повлекло за собой появление новых деревянных зданий. Однако в 60-х гг. экономическое положение монастыря ухудшается, что усугубляется опустошительным пожаром 1666 г., от которого пострадало большинство деревянных построек и в первую очередь кельи и ограда. Строитель Исайя, присланный в монастырь летом 1676 г., так описывал состояние его построек: "...На церквях и на каменных полатех на казенной и сушиленной и поваренной кровли все сгнили. И после пожару (1666 г. -- В.С.) на монастыре кельи и около монастыря ограда и по се число не построена. А что от пожару на монастыре келий и за монастырем служеб монастырских и мелниц осталось, и то все обвалилось и сгнило"<sup>17</sup>.

Однако в этом доношении на имя царя не обошлось без обычных в таком случае преувеличений, расчитанных на царскую милость; его данные не соответствуют уже цитированным показаниям описей 1665, 1673 и 1680 гг., где до указанного пожара зафиксировано 14 келий, а после -- 22. Очевидно, что в этом документе опущены постройки, созданные уже после пожара по инициативе сосланного в Ферапонтово патриарха Никона.

Активное строительство келий и их перестройки продолжались практически без перерывов на протяжении почти всей десятилетней ссылки патриарха Никона в Ферапонтове. Эти работы проводились на деньги патриарха, а также пожертвования царя и некоторых вологодских и белозерских монастырей; Ферапонтов монастырь не принимал денежного участия в этом строительстве, и, очевидно, поэтому созданные за эти годы постройки как бы игнорируются монастырскими документами XVI в. Однако благодаря активной переписке самого Никона, его свиты и охраны с царем, Кирилло-Белозерским монастырем и различными государственными учреждениями (приказами) воссоздается цельная картина его строительства<sup>18</sup>, в результате которого севернее каменных погребов возник комплекс построек, впоследствии получивших имя "никоновских" палат. В одном из документов, датированных уже 1676 г., так описывается эта постройка: "У Никона монаха построены келии многие, житие с двадцать пять, а из тех келий поделаны сходы и всходы и окна большие в монастырь и за монастырь. Да у него же сделаны переходы по монастырской стене через сушилные палаты к церквам, что на святых воротах, на тридцати саженях, а по тем переходам поделаны окна большие же на монастырь и за монастырь"<sup>19</sup>.

Соотнося это описание с данными цитировавшихся описей XVI в., можно примерно восстановить облик этого сложного сооружения. Его центром являлась двухэтажная каменная палата, примыкавшая или частично надстроенная над крайним каменным погребом. Палату окружал комплекс деревянных одноэтажных и двухэтажных келий. От палаты по сушилам шли деревянные крытые переходы, очевидно, огибавшие надвратную церковь и соединявшиеся с ее крыльцом. Эта постройка была создана в 1673–1674 гг., поглотив собой предшествующие кельи, и послужила для ссылочного патриарха совсем недолго, однако росписи, украшавшие каменную палату, были созданы, конечно, при нем и по его программе: в их сюжетах ("стенное писание пустынных жителей"<sup>20</sup>) Никон, очевидно, хотел видеть некую параллель своей собственной судьбе. Уже вскоре после отъезда Никона в Кирилло-Белозерский монастырь его палаты были частично переоборудованы под братские

кельи и настоятельстве покой, а переходы разобраны -- по крайней мере, ни в одной из описей они не фигурируют.

К концу XVII столетия в монастыре появляется несколько новых деревянных построек. Опись 1693 г. называет уже упоминавшуюся "белую гостиную", а также в самом конце документа в графе вновь прибывших вещей -- "келью казеннную новую с сенми и с чюланы и с вышкою и со всяким келейным строением" и "келью хлебную с сенми и с чюланы"; сообщается также о замене кровель над одним из сушил <sup>21</sup>. К этому времени многие хозяйствственно-административные постройки сильно обветшали, что особенно заметно стало в начале следующего столетия. Так, первая опись XVIII в. указывает на чрезвычайную ветхость казенных палат и рубленой деревянной ограды монастыря <sup>22</sup>. В 1716 г. обитель пострадала от пожара <sup>23</sup>, вскоре после которого были проведены ремонтные работы, косвенно зафиксированные в следующей описи, составленной около 1725 г. и во многих местах буквально повторяющей текст своей предшественницы. Однако такой документ уже не указывает на ветхость казенной палаты или ограды, а также называет "мережной онбар", появившийся рядом с северо-западными вратами. При этом количество келий уменьшается с 20 до 13 <sup>24</sup>.

Новые изменения фиксирует опись 1747 г., причем для некоторых новых построек она называет даже даты. Так, мы узнаем, что в 1738 г. к северу от святых врат пристраиваются деревянные игуменские кельи "в двух апартаментах", которые занимают площадку между погребами с сушилами и северной пристройкой врат. Из более поздних документов мы узнаем, что второй этаж келий был надстроен над этой пристройкой, которая была превращена в кухню <sup>25</sup>. В 1743 г. "позади церквей", т.е. в восточной части монастыря, выстраиваются деревянные "наместниковые кельи". В остальном опись называет уже известные нам постройки, и только братских келий остается всего лишь шесть <sup>26</sup>.

К середине XVIII столетия большинство каменных хозяйственных зданий XVI в. находилось на грани разрушения. Опись 1767 г. особо отмечает ветхость казенной палаты, поварни, погребов и никоновских келий, а также ограды <sup>27</sup>. Однако

эти здания практически не ремонтировались; строительные работы были сосредоточены вокруг игуменских или, как они теперь назывались, настоятельских келий, которые постоянно расширялись и постепенно заняли весь участок от святых врат до никоновских палат. Известно, что строительство на этом участке имело место в 1767<sup>28</sup> и 1772<sup>29</sup> гг., но, очевидно, небольшие достройки проводились здесь ежегодно. В результате этого строительства настоятельские кельи поглотили существовавшие здесь ранее постройки и являли собой довольно сложный комплекс небольших разновременных деревянных келий, которые сформировали прямоугольное в плане здание, состоявшее как из одноэтажных, так и двухэтажных звеньев. Опись 1775 г. чрезвычайно подробно фиксирует это здание, однако именно этот факт делает невозможной детальную реконструкцию настоятельских покоев, так как понять из описи систему соотношения множества небольших келий, составлявших все здание, совершенно невозможно. Очевидно лишь, что в это же здание, помимо настоятельских покоев, входили в нижнем этаже кельи казначейские и иеромонашеские, а также несколько пустующих помещений. Воссоздание облика этого здания поддается лишь в общих чертах. Пожалуй, единственным примечательным элементом этих келий являлось большое двухэтажное крыльцо, находившееся в его северной части и полностью перегораживавшее проход между настоятельским корпусом и трапезной палатой. Крыльцо крепилось на высоких деревянных столбах, украшенных резьбой. Второй этаж был закрытым и имел шесть окон, одновременно являясь переходом из настоятельских покоев в трапезную палату. Крыльцо имело два схода на север и юг, т.е. к "водяным" и святым вратам<sup>30</sup>.

Опись 1775 г. приводит немало сведений и о других хозяйствственно-административных постройках монастыря, причем некоторые из них упоминаются впервые. Так, называются "бы-вые" наместнические кельи в восточной части монастыря, а также примыкающие к ним другие кельи. Напротив них, в юго-восточной части монастыря, линией стояли хлебный анбар (очевидно, хлебная изба, впервые упомянутая описью 1693 г.) и две кельи; эти здания продолжали линию построек казенной палаты. "На завороте с северной стороны", т.е.

около каменной поварни, названы стоявшие в линию две келии и настоятельская баня. Монастырь по-прежнему окружала старая деревянная ограда "рубленая с чуланами о две стены", с тремя шестигранными угловыми башнями и "водяными" воротами, над которыми помещались два сушила. Почти все деревянные постройки монастыря к моменту составления описи отличались чрезвычайной ветхостью, а большинство жилых помещений пустовало — видимо, немногочисленная братия монастыря селилась в это время в настоятельских покоях <sup>31</sup>.

Что касается каменных построек, то они находились в еще более бедственном положении. Так, каменные погреба оказались обстроенным со всех сторон настоятельскими палатами, сушила были уничтожены, а на их месте появились две келии. Никоновские палаты находились в полуразрушенном состоянии, о чем явственно свидетельствует опись — "показанное строение (Никоновские палаты — В.С.) весьма ветхо, местами и кирпич валитца". В относительно благополучном состоянии находилась поварня; что же касается казенной палаты, то к этому времени она состояла из двухэтажной части, а два одноэтажных звена уже не существовали <sup>32</sup>. Время их разборки точно не устанавливается: последний раз они были зафиксированы описью 1763 г. <sup>33</sup>, а сведений об их уничтожении в расходных книгах не обнаружено.

Опись 1775 г. является очень важным исходным документом, по которому можно составить представление о состоянии монастыря накануне его капитального ремонта и упразднения. Эта опись была известна архиепископу Амвросию (Орнатскому), и на ее основе он приводит в "Истории российской иерархии" подробное описание монастыря, указывая в нем все названные в описи здания, большинства которых к моменту выхода книги уже не существовало <sup>34</sup>.

Последнюю четверть XVIII столетия хозяйственными постройки монастыря просуществовали без особых изменений. Работы по ним почти не проводились. Лишь в 1772 г. были выбелены стены кирпичных построек <sup>35</sup>, а в 1775 г. на никоновских палатах заменили кровли <sup>36</sup>. Однако в 1790 г. их состояние было плачевным, о чем красноречиво свидетельствует рапорт

игумена Герасима: "...Имеются в оном монастыре ...кельи на погребах, кладовые палатки со сводами в два этажа, поварня и хлебня каменные, кельи настоятельские, братские и ограда деревянная; ...в каменных кельях в сводах разселины шириной в аршин, в погребах своды обваливаются, в кладовых, в поварне и в хлебне своды пали и стены разселились, настоятельские и братские кельи (кроме ограды) так обветшали, что едва ли годятся к перестройкам. На всем строении и на ограде кровли ветхи, а инде совсем стени, и необходимо все почти вновь перестраивать" <sup>37</sup>. Ремонт 1794—1798 гг. не мог обойти эти постройки, однако в дошедших до нас документах эти работы не нашли отражения.

Сразу же после упразднения монастыря все здания в нем, кроме храмов и "потребного для жительства священноцерковно-служителям строения", были переданы в казенное ведомство <sup>38</sup>, и это естественным образом сказалось на отношении к ним, так как ни в многочисленных кельях, ни в хозяйственных службах приходская церковь не нуждалась. XIX столетие оказалось самой печальной страницей в истории этих зданий: уже за первую половину века почти все они полностью утратились. П.П.Покрышкин и К.К.Романов справедливо отмечали, что в условиях, когда не хватало денег даже на ремонт церквей, каменные постройки разбирались на кирпич, который шел частью на свои нужды, а частью на продажу. Авторы считают, что из этого кирпича построены паперть и апсида церкви преп.Мартиниана, монастырская ограда, а также ограды Щипинского и Иткло-Бобровского приходов <sup>39</sup>. Такая судьба постигла и келарскую келью, и поварню, и, вероятнее всего, никоновские палаты с каменными погребами. Казенная палата, сохранившаяся в монастыре до наших дней, как мы увидим, чудом избежала той же участи.

На фоне постоянных ремонтных работ первых десятилетий XIX в., которые восполняли недоделки капитального ремонта 1794—1798 гг., по хозяйственным постройкам монастыря не проводилось никаких работ. Заботы приходского начальства распространялись лишь на один келейный корпус, располагавшийся в южной части монастыря напротив Мартиниановской церкви, где была организована богадельня -- здесь дважды,

в 1812 и 1814 гг., обновляются кровли <sup>40</sup>. Неудивительно, что уже в 1826 г. из всех келейных построек бывшего монастыря сохранилась одна богадельня. Северная пристройка святых врат, бывшая в XУШ столетии кухней при настоятельских покоях, вновь была переоборудована под сторожку, и теперь в ней жил караульный. Деревянная надстройка над ней еще существовала, но теперь называлась сушилом. Настоятельские кельи находились на грани разрушения и уже частично утратились: из существовавших здесь когда-то трех каменных погребов сохранился лишь один. Старая деревянная ограда находилась в полуразрушенном состоянии <sup>41</sup>. Никоновская палата к этому времени уже погибла: возможно, она не пережила даже ремонта 1794—1798 гг. Каменная поварня обрушилась, но ее развалины еще существовали в 40-х гг. <sup>42</sup>.

Остатки настоятельских келий дожили до начала 40-х гг., когда на их месте был построен одноэтажный деревянный корпус, куда была переведена богадельня. Этот дом был возведен в 1842 г. <sup>43</sup>, вплотную к сторожке у святых врат; вероятно, тогда же последняя была надстроена вторым этажом в кирпиче. Что же касается богадельни в южной части монастыря, то в 1860 г. ее уже не было.

Из рассматриваемых нами построек работы наибольшего объема коснулись в XIX в. монастырской ограды. В начале столетия вокруг монастыря продолжала стоять старая деревянная ограда, существовавшая здесь еще с XУП в. Она много раз обновлялась и частично заменялась, но формы ее сохранились старые. Последний, довольно значительный по объему ремонт этой ограды был предпринят в 1831 г. <sup>44</sup>, однако становилась очевидной необходимость ее замены. В 1840 г. по инициативе священника Арсения Разумовского кирилловский учитель рисования Иван Костромин составил смету на строительство новой кирпичной ограды <sup>45</sup>, но к работам по недостатку средств приход смог приступить только в 1843 г. Это строительство, растянувшееся на много лет, завершилось лишь в 1857 г. <sup>46</sup>. В результате была возведена невысокая каменная ограда, прямоугольная в плане, с двумя небольшими башенками на восточных уг-

### III

лах; в южной ее части были частично использованы фундаменты утраченных частей казенной палаты; планировка ограды оказалась несколько иной по сравнению со старой. Однако и этой ограде не суждено было сохраниться до наших дней. При разборке старой деревянной стены две угловые башни были перенесены и использованы одна на скотном дворе, другая — в качестве часовни в двух верстах к северу от монастыря у каргопольской дороги. Эти башни видели еще П.П.Покрышкин и К.К.Романов<sup>47</sup>, и даже фотография одной из них опубликована в их работе.

К середине столетия в монастыре из старых административно-хозяйственных построек оставалась лишь казенная палата, или, вернее, ее западная двухэтажная часть, однако и она находилась в аварийном состоянии. Неизвестно точно, когда рухнули своды первого этажа, но уже в 1860 г. здание пустовало<sup>48</sup> и служило местом для хранения, а на деле — для свалки обветшавших и вышедших из употребления предметов самого различного назначения из обихода бывшего монастыря, в том числе и икон<sup>49</sup>. Ремонт соседних надвратных церквей не коснулся казенной палаты, и к концу столетия она была на грани разрушения. Игумения Таисия так описывала ее состояние накануне восстановления монастыря: "Единственный, стоявший еще каменный корпус, называемый "сушилом", ...наружно хотя еще и похожий на дом, потому что к бывшему 500-летнему юбилею (т.е. в 1898 г. — В.С.) кое-как промазали и загладили его наружные глубокие продольные трещины, внутри представлял лишь груды развалин"<sup>50</sup>. О чудовищном состоянии этого памятника красноречиво свидетельствуют опубликованные П.П.Покрышкиным и К.К.Романовым фотографии, запечатлевшие его состояние в 1905 г.

Для игумении Таисии, возглавившей в 1904 г. Ферапонтов монастырь, единственным решением проблемы казенной палаты была ее разборка, за разрешением которой она и обратилась в соответствующие инстанции. С этого запроса и последовавшего отказа<sup>51</sup>, собственно, и началась история реставрации Ферапонтова монастыря; для исследования казенной палаты в Ферапонтово был командирован П.П.Покрышкин, который определил ее как памятник архитектуры

ХVI в., включенный в ансамбль уникальных построек, жемчужиной которого являлся собор с фресками Дионисия<sup>52</sup>. Однако отказ от разборки казенной палаты еще не означал ее спасения, так как из всех зданий монастыря она оказалась в наиболее бедственном положении, что подтверждается сметной суммой на ее реставрацию, равной сумме реставрации собора — 10000 руб.<sup>53</sup> О том, что казенная палата находилась в самом катастрофическом состоянии, свидетельствуют и материалы П.П.Покрышкина и К.К.Романова<sup>54</sup>, и переписка по вопросам реставрации монастыря<sup>55</sup>.

Реставрация казенной палаты началась лишь в 1913 г. с расчистки завалов, образовавшихся внутри здания в результате обрушивания свода, и частичного подведения фундаментов<sup>56</sup>. Завершающий этап подведения фундаментов был осуществлен на будущий год, а в 1915 г. А.Г.Вальтер окончил ее реставрацию: "В сушиле заделаны трещины в верхнем своде изнутри, исправлена лестница и сложен вновь провалившийся кирпичный коробовый свод над первым этажом. Сделаны коробки и двери как в первый, так и во второй этаж сушила. Для спуска к дверям сушила сделаны каменные ступени и оградительная стеночка у спуска"<sup>57</sup>.

Этим, по существу, заканчивается история административно-хозяйственных построек Ферапонтова монастыря, и хотя строительство зданий подобного назначения продолжалось здесь и в XX в., они не представляют собой ни исторического, ни тем более художественного интереса. На протяжении 1904—1906 гг. в черте ограды монастыря были возведены два двухэтажных корпуса (один на месте бывших настоятельских келий), деревянная поварня и ледник. Кирпичная ограда, завалившаяся почти по всему периметру, была заменена на деревянную, значительно больших размеров<sup>58</sup>. Однако после упразднения монастыря все хозяйственные постройки стали приходить в упадок и постепенно утратились — одни погибли от пожара 1929 г.<sup>59</sup>, другие разрушились от небрежения и умысла. К настоящему времени все поздние хозяйствственно-административные постройки полностью утрачены, и лишь кирпичная ограда восстановлена в последние годы по образцу 1857 г.

**Примечания к главе УШ:**

1 В первый раз эта ошибка была допущена И.И.Бриллиантовым при ссылке на описание 1673 г., где в перечислении каменных зданий названы три сушила, в том числе одно большое, и казенная палата (ОР КБИАХМЗ, № 91, л. 58 об.—59). Видимо, эпитет, данный в описи одному из сушил, заставил И.И.Бриллиантова ошибочно отождествить с ним сохранившуюся казенную палату; последняя же, как считал И.И.Бриллиантов, находилась на месте примыкавшей к трапезной палате *келарии*, разобранной в середине XIX в. (Бриллиантов И.И. Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона. К 500-летию со времени его основания. 1398—1898. СПб., 1899, с. 78). Та же путаница присутствует и в некоторых последующих публикациях [ Покрышкин П.П., Романов К.К. Древние здания в Ферапонтовом монастыре, Новгородской губернии. — Известия имп. Археологической комиссии, вып. 28. (Вопросы реставрации, вып. 2). СПб., 1908, с. III], а также в монастырских документах начала XX в.

2 Бриллиантов И.И. Ук. соч., с. 66—67.

3 Сведения об этом пожаре содержатся в житии преп. Мартинiana. См.: Бриллиантов И.И. Ук. соч., с. 55; Георгиевский В.Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, с. 18—20.

4 П.П.Покрышкин и К.К.Романов (Ук.соч., с. III) справедливо относят к одному периоду весь комплекс Благовещенской церкви и казенную палату с примыкавшими к ней с востока двумя одноэтажными постройками. Того же мнения придерживается С.С.Подъяпольский [ Подъяпольский С.С. Архитектурные памятники Спасо-Каменного монастыря (ХУ—ХVI вв.). — Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилегающих к ней княжеств. XIУ—XVI вв., М., 1970, с. 450—456 ].

5 ГАВО, ф. 883, № 40: Опись 1665 г., л. 49, 56 об., 57 об.—59 об.

6 ОР КБИАХМЗ, № 91: Опись 1673 г., л. 58 об.—59, 70—71 об.

7 ГАВО, ф. 883, № 59: Опись 1680 г., л. 68—69, 78.

Формулировки этой описи чуть изменены: "...Да три погреба с сушилами каменными. Деревянного строения на монастыре старого и нового двадцать две келии с сенми и за всяkim строением келейным... На монастыре казенная каменная палата... На монастыре же готовенная каменная палата..."

8 ГАВО, ф. 883, № 78: Опись I693 г., л. 64, 76 об.—77.  
 9 "...Палата казенная о трех житых, подле тех полат позади оградные стены прирублен анбар. Пред теми полатами навес на столбах, сыподаи забрано в столбы тесом, сверх покрыто тесом же. Вход в первую полату двери затвор... И с первые полаты вход в две задние полаты и в онбар четыре двери... Своды в дву палатах каменные, гораздо ветхи... В третьеи полате сводов нет, намощен свод бревенчат. Из тех вышеописанных полат в верхнюю полату вход лесница каменная. Поваренная полата каменная... Да белая гостиная деревянная" (ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 450: Опись около I715 г., л. 92—94 об., 100—100 об.). "...Позади каменной поварни на монастырь ворота... Подле тех врат мережной онбар... Около того монастыря ограда древяная рубленая, половина той ограды крыта желобьем" (ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 10: Опись около I725 г., л. 75—76). Приведенное описание казенной палаты свидетельствует, что вход в нее осуществлялся через одно из крайних звеньев, которое имело сводчатое перекрытие. Однако из этого же описания становится очевидным, что своды, помимо сохранившейся части палаты, имело только среднее звено, а крайнее восточное — плоское перекрытие. Следовательно, вход мог находиться только у северного фасада двухэтажного звена казенной палаты.

I0 ГАВО, ф. 496, оп. 1, № I663: Опись I747 г., л. I32.

II ОР ГПБ, F IУ 752: Опись I75I г., л. 2.

I2 ОР ГПБ, F IУ 753: Опись I775 г., л. 4.

I3 Об этом, например, сообщает опись I747 г.: "Из трапезы вход в столовую палату..." (ГАВО, ф. 496, оп. 1, № I663, л. 79).

I4 Эти детали были отмечены еще П.П.Покрышкиным и К.К.Романовым (Ук. соч., с. I47).

- 15 Бриллиантов И.И. Ук. соч., с. 74—75.
- 16 ОР ГПБ, ф. СПБДА, А II 336/2: Расходная книга Ферапонтова монастыря, 1630—1631 гг., л. 29.
- 17 Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897, с. 4II.
- 18 История строительства, связанного с пребыванием в Ферапонтове монастыре Никона, подробно изложена в статье М.С.Серебряковой (в архиве музея в Ферапонтове).
- 19 Дело о патриархе Никоне, с. 349—350.
- 20 ОР ГПБ, F IУ 753: Опись 1775 г., л. 4.
- 21 ГАВО, ф. 883, № 78: Опись 1693 г., л. 88—88 об.
- 22 ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 450: Опись около 1715 г., л.
- 94, 101.
- 23 ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 537: Рапорты о пожарах, 1717 г., л. 5 — "А в прошлом 1716 г. в октябре месяце святая обитель погорела, хлебом и денежной казною великое оскудение" (рапорт Ферапонтова монастыря).
- 24 ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 10: Опись около 1725 г., л. 72, 75—76.
- 25 В описи 1747 г. говорится: "По обе стороны от тех врат две кельи каменные, в одной живет пономарь и просвиropекатель. Да промеж святыми воротами и каменными погребами внов зделанные в прошлом 738 году деревянные игуменские четыре кельи с сенями и с чуланами, в том числе и вышеописанная другая каменная келья, в них двадцать окон... А строены оные келии того монастыря вотчинными крестьянами" (ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 1663, л. 132). Опись 1763 г. дополняет: "Настоятелских пять келий деревянных, под ними внизу кухня каменная, трои сени, четыре чулана, длиною на шести, шириной на пяти саженях с половиной, в двух апартаментах" (ЦГАДА, ф. 280, оп. 3, № 746, л. I об.—2).
- 26 ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 1663: Опись 1747 г., л. 132—132 об.
- 27 ОР ГБЛ, ф. 209, № 501: Опись 1767 г., л. 2—2 об.
- 28 ЦГАДА, ф. 280, оп. 6, № 2927: Книга прихода и расхода денег Ферапонтова монастыря, 1767 г., л. 3.
- 29 ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 3067: Выписки из приходо-расходных книг Ферапонтова монастыря, 1771—1774 гг., л. 10 об.

30 "Межу святыми вратами и никоновской палатой в линию состоящие о двух партаментах деревянные настоятельские кельи. В верхнем апартаменте от соборной церкви Благовещения пресвятые Богородицы и з дву сторон от святых врат и водяных ворот лесница на крыльце рубленая на резных столбах, забрана балюсами точеными, крыта состоным тесом подгвоздье со скалами. На крыльце шесть окошек, в них оконницы слюдяные..." (ОР ГПБ, Ф 1У 753: Опись 1775 г., л. 4 об.). Следующее далее описание настоятельских келий занимает десять страниц, до л. 9 об.

31 Там же, л. 9 об.—II об.

32 Там же, л. 4—4 об.

33 ЦГАДА, ф. 280, оп. 3, № 746: Опись 1763 г., л. 2: "У святых врат каменная келья в один апартамент, при ней казенные кладовые четыре палаты каменные ж, в двух апартаментах, длиною на османнатати, шириною на пяти саженях".

34 Амвросий, архиеп. [Орнатский]. История российской иерархии, т. VI, ч. 2. М., 1815, с. 853—855.

35 ЦГАДА, ф. 280, оп. 8, № 68: Приходо-расходная книга Ферапонтова монастыря, 1772 г., л. 3.

36 ЦГАДА, ф. 280, оп. II, № 349: Приходо-расходная книга..., 1775 г., л. 4 об.

37 ЦГИА, ф. 796, оп. 1, № 394: О переводе Ферапонтова монастыря в Савиновишерский монастырь, 1790 г., л. I—2. Те же данные приведены у И.И.Бриллианта (Ук. соч., с. 102—103), где он цитирует доношение митрополита Петербургского и Новгородского Гавриила Синоду.

38 ГАНО, ф. 480, оп. 1, № 1866: Указы Синода Новгородской Духовной консистории за 1798 год, л. 212—213 об.

39 Покрышкин П.П., Романов К.К. Ук. соч., с. 136.

40 ГАВО, ф. II73, № II7: Книга записи расходов..., 1809—1815 гг., л. 14 об., 20.

41 ГАВО, ф. II73, № 81: Опись 1826 г., л. 12.

42 Макарий, архим. [Миролюбов]. Описание Ферапонтовской волости. — Вестник имп. Русского географического общества, т. XI, отд. 2. СПб., 1854, с. 13. Некоторые сведения, приведенные в этом описании, как, впрочем, и авторство этой работы, вызывают сомнение. И.И.Бриллиантов сообщает, что

статья на самом деле была написана уроженцем Ферапонтова иеромонахом Сергием Мармарисовым, будущим ректором Иркутской Духовной семинарии, скончавшимся в 1895 г. (Бриллиантов И.И. Ук. соч., с. 15—16). Создается впечатление, что описание было выполнено не с натуры, а по памяти или с привлечением архивных данных, а возможно и рисунков монастыря на разновременных иконах.

43 ОПИ НГОМЗ, № I060I: Историко-статистическое описание Ферапонтова монастыря, 1860 г., л. 6.

44 ГАВО, ф. II47, оп. 2, № 473: Книга расходов денежных сумм..., 1823—1835 гг., лл. 26—26 об.

45 ГАВО, ф. II70, оп. 1, № 10: Смета на постройку каменной ограды упраздненного Ферапонтова монастыря, 1840 г.

46 ОПИ НГОМЗ, № I060I: Опись 1860 г., л. 6, 38; ГАВО, ф. II73, № II8: Книга записи расходов..., 1851—1875 гг., л. 23—25. В строительстве ограды активное участие принимали прихожане.

47 Покрышкин П.П., Романов К.К. Ук. соч., с. I48.

48 ОПИ НГОМЗ, № I060I: Опись 1860 г., л. 6.

49 ЦГАДА, ф. I44I, оп. 3, № 1869: Дело об освидетельствовании чудотворной иконы в Ферапонтове монастыре, 1861 г., л. 4.

50 [Таисия, игум.] Сказание о древнем Ферапонтове Богоявленско-Рождественском монастыре. Бывшем в упразднении более ста лет, ныне снова восстановленном. Кириллов, 1909, с. I4.

51 Архив ЛОИА, ф. I, № 76: Дело о разрешении сломки ветхого каменного корпуса в Ферапонтовом монастыре Новгородской губернии, 1904 г.

52 ЦГИА, ф. 799, оп. 25, № I423: Дело о командировании П.Покрышкина в Ферапонтов монастырь, 1904—1914 гг., л. 6—10 об.

53 Там же, л. 6 об.

54 Покрышкин П.П., Романов К.К. Ук. соч., с. I39—I47.

55 ЦГИА, ф. 799, оп. 25, № I423, л. 10 об.; тот же фонд, оп. 33, № I053: Страховочные документы по монастырям Кирилловского и Белозерского уездов, 1910—1915 гг., л. 63.

56 Отчет о деятельности Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины за 1913 год. Пг., 1914, с. 22.

- 57 Отчет о деятельности Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины за 1914 и 1915 гг. Пг., 1916, с. 21, 24.
- 58 ЦГАДА, ф. I287, оп. 1, № 4258: Материалы С.Д.Шереметева по восстановлению Ферапонтова монастыря, 1907--1910 гг., л. 19; ЦГИА, ф. 799, оп. 33, № 1053, л. 63—65.
- 59 ОПИ КБИАХМЗ, № 382: Дело о пожаре в Ферапонтовом монастыре, 1929 г.